2 — 93 Март — Апрель 1939 года Цена 10 сентов

PROBUZHDENIE

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ №№ 92—93

Над свежими могилами — — — — — — ПЕРЕДОВАЯ
П. Кропоткин и война — — — — — — — Л. ЛИПОТКИН
«Анархисты» и анархизм — — — — — — — А. А. С.
Анархист доктор Стокман — — — — — — — — ЭНГЕ
Из статьи Е. З. ДОЛИНИНА-МОРАВСКОГО
Элементы религиозности в мировоззрении
Е. З. Моравского — — — — — — М. РУБЕЖАНИН
Джизус версус Гитлер — — — — — Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД
Четыре года преследований журнала «МЭН»
Мелкие статьи, заметки и стихи.

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:
PROBUZHDENIE
c/o International Co-operative 9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 92—93. МАРТ-АПРЕЛЬ 1939 Г.

Над свежими могилами

И снова весь цивилизованный мир был потрясен и взволнован разграблением Чехо Словакии, захватом Мемеля, экономическим порабощением Румынии.

Все мы возмущены, негодуем, а из Германии на нас прет страшный зверь, который уже проглотил чехов, словаков, карпатороссов и оскалил зубы на украинцев, русских и других славян.

Никто не может сказать, где и когда остановятся потомки бесславных гуннов, грабящих и разоряющих целые страны, истребляющих интеллигенцию — мозги возрожденных славянских наций, их культуру и превращающих наших братьев - славян в бесправных рабов.

И производится этот поход против славянских наций под циничным лозунгом «самоопределения» и помощи им. И тут-же германский хищник наровит наложить на них тяжелую длань и превратить в навоз для удобрения немецкой культуры.

Но хуже всего то, что разграбление целых стран происходит без всякого сопротивления со стороны тех, кого грабят. Неужели славянство так привыкло к ярму, что ему уже стало безразлично кто хлещет его кнутом? Слишком уже долго и много все говорили и рекламировали австрийского маляра пока и впрямь не поверили в его всемогущество и непобедимость.

И не немецкие генералы, а Геббельс— этот ловкий демагог, очковтиратель и гипнотизер одерживает победы. Немецкая - же армия едва поспевает за этим генерал-пропагандистом.

Славянство гипнотизируется немцами в течение многих столетий. Кто поддастся этому гипнозу, тот погибнет. Чехо-Словакия должна была и могла-бы сопротивляться немецкому нашествию. Она была сильнее и лучше подготовлена, чем республиканская Испания, которая сопротивляется более двух лет немецким и итальянским разбойникам. Чешские правители, дипломаты и генералы оказались не на высоте своего призвания, испугались пустых угроз и отдали свою страну немцам без всякого сопротивления.

Бенеши, Масарики, Урбаны, Сыровые и другие «герои» эмиграции, бия себя в грудь, беспомощно потрясают кулаками в воздухе. Жалкая картина — лучше показали-бы свою храбрость на поле брани и тем доказали-бы, что готовы умереть за свободу и независимость своей страны! Ведь позор-

ное рабство хуже смерти....

В дни предстоящих новых испытаний славаянство должно показать всему миру готовность к борьбе, а не к капитуляции, ибо не всегда побеждают сильные и многочисленные, а воинственные и храбрые.

—

Заодно с Чехо-Словакией оплачем погибшую героической смертью республиканскую Испанию. Испанцы не испугались ни Гитлера, ни Муссолини, и при самой тяжелой обстановке, дезертированные Чемберленом, Даладье, Сталиным и другими «друзьями» демократии, продолжали упорное сопротивление превосходным силам врага.

Испанские антифашисты, несмотря на неравенство сил, не были побеждены в открытом бою. И если тем не менее фашисты выиграли войну, то не благодаря своему оружию, а скорее всего потому, что мнимые союзники республиканцев и лже-демократы чемберленовского типа втайне желали и содействовали победе Франко, как более надежному защитнику интересов международной буржуазии и католической церкви.

С помощью папских молитв, гитлеровских и муссолиниевских самолетов, с помощью маврских мусульманских наемников, чемберленовского комитета невмешательства, рузвельтовского эмбарго и сталинской «помощи» Испания спасена от социальной революции для блага международных банкиров и святой католической инквизиции.

Антифашистская Испания не получила достаточной и существенной помощи от международного пролетариата. В лучшем случае эта помощь сводилась к словесным протестам, не поддержанным действиями. Во всех «демократических» странах у Франко были такие могущественные союзники, как католическая церковь, буржуазная печать, законодатели и правители, весь господствующий класс, дрожащий за свои шкурные интересы.

Этой могущественной международной силе капитализма и клерикализма противостоял восставший против фашизма и рабства испанский народ с его революционным авангардом — синдикалистами анархического и социалистического характера. Даже в моменты общей опасности не прекращалась фракционная вражда и борьба между троцкистами и сталинцами, между коммунистами и анархистами, социалистами и т.д., ослаблявшая силы антифашистского фронта.

И при всем этом антифашисты проявили необычайную силу сопротивления, вызывавшую восхищение и удивление в сердцах друзей республиканской Испании и лютую ненависть у ее врагов.

Оставленные всеми, блокируемые французами и англичанами, облобызавшимися с Франко, лишенные подвоза провианта, амуниции и военного снаряжения, героически, неподражаемо сражавшиеся антифашисты не могли продолжать войну голодными, с одними голыми руками и принуждены были признать себя побежденными.

Но некоторые победы — горше поражения. К их разряду относится и победа Франко, ибо это — Пиррова победа фашизма.

БЕСВЛАСТНИКАМ НАШ ПРИВЕТ

В годину кошмара, тревог и волнений,
В годину пролития братской крови,
Средь злобы шипящей, тяжелых сомнений —
Мы шлем Вам привет свой духовной Любви.
Привет неустанным борцам за свободу!
Привет тем, кто жизни своей не щадит,
Неся превещенье родному народу,
Рвет цепи насилья и правду творит.
Мы с Вами во веки, друзья Анархии!
Иною дорогой, но цели одной
Идем, и, сойдемся в родной России:
Бесвластье несем мы отчизне родной.
Как светлой весною горячему солнцу,
Цветы улыбаются,—мил его свет —
Так мы, ваши братья-друзья духоборцы,
С улыбкою шлем Вам великий привет!

П. Кропоткин и война

Отношение анархизма к войне и милитаризму общеизвестно: это — борьба против всякой войны, борьба против капитализма и государства, как главных и непосредственных виновников всех империалистических войн. Звериная сущность государственно - капиталистического строя ярче всего обнаруживается во время войны. Сквозь фальшивые и лицемерные фразы о защите нарушенных нейтралитетов слабых государств; сквозь лживые призывы к защите демократии, политических и других прав народов, находящихся под чужеземным игом, ярко выступают хищнические аппетиты капитализма и государства, стремящихся к захвату новых территорий, колоний и рынков и к увеличению числа своих подданных-рабов. Всегда, во все времена истории, война являлась хищническим предприятием богатых и власть имущих, орудием угнетения народов, отрицанием человеческой свободы и братской солидарности.

Исторически установлено, что все войны между вооруженными государствами велись для целей наживы, грабежа и порабощения, а это, понятно, не может вызывать сочувствия со стороны антимилитаристов, т. е. противников всяких войн, каковыми всегда являлись анархисты. Как антимилитаристы, анархисты всегда признавали одну позицию в отношении войны — позицию борьбы против войны. Анархисты всегда признавали, признают и будут признавать один род войны за свободу: это война, которую ведут во всех странах мира угнетенные против угнетателей.

Однако, такая выдержанная антимилитаристическая позиция со стороны анархистов продолжалась только до возникновения европейской войны 1914 года. Начиная с этого времени, взгляды анархистов о войне и антимилитаризме разделились и вызывали в их радах неизбежный раскол. Одни анархисты, стоя на точке зрения последовательного антимилитаризма, считали, что долг анархистов состоит всегда в том, чтобы всеми силами помешать войне и мобилизации. Другие, революционно - настроенные анархисты, считали, что необходимо во время войны вызвать революцию, прогнать всех соотечественных и чужеземных угнетателей и установить свободный строй жизни. Третьи, признавая оборонительную войну, считали необходимым участие анархистов и революционеров в войне, в случае, если нападающая сторона в демократическом отношении менее свободна, чем подвергаемая нападению страна. Эту последнюю точку зрения защищал один из лучших представителей интернационального анархического движения — выдающийся теоретик анархизма — П. Кропоткин.

Отношение Кропоткина к войне и милитаризму изложено в некоторых его статьях и письмах к отдельным друзьям и товарищам, написанных им в разные периоды времени. Как анархист и антимилитарист, Кропоткин долгое время был решительным противником всех империалистических войн.

Еще на заре свой революционно-анархической деятельности, в 1887 году, в статье «Что делать?», помещенной в французском журнале «Ле Револьтэ», он, между прочим, писал, что «средством против войны должна быть социальная революция, как единственное орудие против иностранного завоевания». Затем, в 1896 году, в статье «Война или мир», помещенной в лондонской газете «Лэйбор Лидер», Кропоткин ясно и определенно высказался против войны, затеваемой в интересах капиталистов и государства — этих главных поработителей народа. Еще резче он высказался против войны в другой своей статье: «Война на Дальнем Востоке» (о русско-японской войне), помещенной в 1904 году в русском

анархическом журнале «Хлеб и Воля». В ней он писал: «Всякая война, кроме войны народа за свою свободу, есть зло, каков бы ни был ее исход: зло как для победителей, так и для побежденных, как для нейтральных народов, так и для самих воюющих стран. И более, чем всякая другая война, русско-японская война, являясь торжеством самых низменных капиталистических инстинктов, есть бедствие, против которого всякий мыслящий человек должен всеми силами бороться». Такие же мысли он выразил также и в другой статье — «Антимилитаризм и революция», написанной им в октябре 1905 года.

Отрицательное отношение Кропоткина к войне выявилось и в двух его письмах, написанных почти одновременно: в письме «Международному Антимилитаристическому Конгрессу в Амстердаме, состоявшемуся в конце 1904 года, и в письме о русско-японской войне 1903—5 г.г. В последнем письме Кропоткин в одном месте высказал следующую характерную мысль: «Желтые, белые, японцы, русские или англичане мне одинаково ненавистны. Я предпочитаю стать на сторону молодой японской социалистической партии. Как она ни малочисленна, но она является выразительницей идей и стремлений трудового японского народа».

Из этого мы видим, что Кропоткин, как последовательный антимилитарист, не делал никакого различия, никакого исключения между двумя воевавшими странами: японская буржуазия была ему столь же ненавистна, как и русская, в войне которых он не видел никаких благодетельных результатов для человеческого прогресса. Совсем наоборот: в русско-японской войне он видел одни лишь бедствия для развития и прогресса обеих стран и верил, что «низменные, хищнические аппетиты буржуазии и государства не могут содействовать торжеству человеческого прогресса».

Свои антимилитаристические взгляды Кропоткин выразил не только в отдельных статьях и письмах, но и в большом научном труде: «Современная наука и анархия». В этой заамечательной книге, написанной им в 1912 году, он посвятил вопросу о войне четыре отдельных главы: Война и промышленное соперничество. Высшие финансы государства. Война и капитализм. Война и кризисы.

В этих статьях, изданных, кстати, отдельной брошюрой под названием «Война и капитализм», Кропоткин резко выступает против войны. Анализируя причины современных войн, он правильно считает, что причина всякой войны всегда одна и та же: это — соперничество из-за рынков и из-за права эксплоатировать отсталые в промышленности нации. Все войны, какие происходили в Европе за последние полтораста лет, были войнами ради буржуазных интересов, ради наживы и эксплоатации. Политика всех капиталистических государств всегда направлена к завоеванию новых промышленных рынков — новых источников легкого обогащения. Их толкают к этому крупные и средние банкиры, финансисты и промышленники, вмешивающиеся в международные отношения и подготовляющие войны.

Государство создало в современной промышленности класс людей, непосредственно заинтересованных в том, чтобы превратить народы в военные лагеря, готовые броситься друг на друга. Целые отрасли промышленности, в которых заняты миллионы пролетариев-рабов, существуют исключительно для приготовления военных материалов: оружия, пушек, бомб и т. д. Этому покровительствуют крупные банкиры и капиталисты любой страны. Как акционеры крупных военных предприятий, они кровно заинтересованы в сбыте приготовленных материалов. А им-то помогает продажная буржуазная пресса, занимающаяся искусственным разжиганием военных страстей и создающая военный психоз и страх перед наступающим врагом.

Современные войны, по мнению Кропоткина, не только безумие и возврат к дикому состоянию: они — сплошное разрушение человеческого труда, и результаты этого разрушения мы чувствуем среди нас постоянно, в виде возрастания нищеты среди бедных, идущего параллельно обогаще-

вию богатых.

Каждая война есть чудовищное разрушение человеческого труда, разрушение не только военных материалов, но и самых необходимых продуктов и вещей для повседневной жизни обществ.

Война поглощает самые лучшие силы — молодые жизни — и превращает их в горы человеческих трупов. И непосредственными виновниками этого являются — государство и капитализм, создающие привилегии в пользу богатых и за счет бедных и вызывающие войны для обогащения и властвования над порабощенными народами.

Отсюда, заключает Кропоткин, возникает необходимость в борьбе против войны, необходимость в антимилитаристической пропаганде. Такая пропаганда должна вестись всеми миролюбивыми людьми, всеми рабочими, социалистическими и анархическими организациями. Борьба против войны и милитаризма должна быть активной и организованной. Необходимо широко проповедывать среди всех трудящихся идеи мирной жизни и братской солидарности, призывая их к активному отказу в изготовлении амуниции и других военных материалов. И необходимо вместе с тем помнить, что война и милитаризм тесно связаны с государством и капитализмом и они могут быть уничтожены только вместе с ними.

Так верил Кропоткин долгое время, по крайней мере, до возникновения европейской войны 1914 года. И даже за один год до этой войны, т. е. в половине 1913 года, он все еще оставался на своей твердой антимилитаристической позиции. Это видно из одного документа, опубликованного в итальянском анархическом журнале «Рисвеглио» 23-го августа 1913 года. В мае этого года Кропоткин приехал в Локарно (Швейцария), где встретился с итальянским анархистом Луиджи Бертони. Предвидя войну, Кропоткин и Бертони повели долгую беседу о позиции анархистов в случае войны. Бертони пишет следующее:

«На мой вопрос относительно участия анархистов в войне, Кропоткин ответил, что ни в коем случае анархист не может согласиться вести войну для какого-нибудь правительства или государства. Он считал, что самым трудным моментом для рабочих и для дела революции является война, так как в это время народ забывает о вражде классов, о взаимной борьбе и о конечном идеале. Милитаризм, это — гнусное и братоубийственное ремесло, и анархисты никогда не должны воевать ради интересов государства и капитализма. Единственная война, в которой допустимо участие рабочих и анархистов, это — социальная революция».

Однако, как только разразилась европейская война в августе 1914 года, Кропоткин радикально изменил свои прежние взгляды на войну, ибо все, что он проповедывал о войне и милитаризме до 1914 года, резко отличается от того, что он писал после этого времени. Иначе говоря, Кропоткин из антимилитариста превратился в сторонника и защитника войны.

Чем об'ясняется новая позиция Кропоткина? Почему Кропоткин - анархист, вместо проповеди за войну, не выступил с агитацией против войны? Противоречит-ли военная позиция Кропоткина его анархическому учению?

Постараемся найти ответ на эти вопросы.

Предчувствуя европейскую войну, Кропоткин прекрасно знал, что лучшее средство, находящееся в руках рабочего класса против войны, является международная всеобщая стачка, переходящая в вооруженное восстание, в народную или социальную революцию. Но он считал это средство в то время нецелесообразным и недостаточно сильным для предотвращения войны. Критическое положение Европы не предвещало никаких признаков для революции, сопровождаемой гражданской войной. Рабочее движение, дезорганизованное войной, было охвачено социал-патриотизмом. Социалистический Интернационал был разбит. Словом, в Европе не было революционной ситуации. И лучший выход из тяжелого положения он видел только в участии в войне против Германия.

Германия за последние 50-60 лет уси-

ленно готовилась к войне; строила новые амуниционные заводы, военные суда и аэропланы, воздвигала новые крепости, увеличивала армию, флот и т. д. И когда в августе 1914 года вспыхнула война, она оказалась в роли самой сильной стороны.

Какова фактическая сторона начавшейся европейской войны? Германия, нарушив нейтралитет Бельгии, сконцентрировала свои силы на разрушении этой слабой страны. В то же самое время она направила свои удары против Франции, имея в виду захват Парижа и других городов. Кропоткин, видя, что Бельгия почти наполовину разрушена, а Франции — стране с богатым революционным прошлым — угрожает опасность со стороны дикого германского милитаризма, выступил с горячим призывом ко всем рабочим, революционерам и анархистам о защите демократических стран Бельгии и Франции. В своем письме к шведскому профессору Стефенсу, опубликованному в конце декабря 1914 года, он так и говорит: «Причины войны должны быть вырваны с корнем. Территории Бельгии и Франции должны быть очищены от германского нашествия. Все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Мы сильно надеемся, что европейская война откроет глаза рабочим массам и многим из образованных людей средних классов. Они увидят, какую позорную роль играли капитал и государство в возникновении вооруженных конфликтов между нациями».

Кропоткин считал, что победа Германии над союзными государствами означала бы победу милитаризма и реакции на долгие, долгие годы. Победа германского милитаризма была бы большим несчастьем для Европы и, возможно, для всего мира. Он знал, что пангерманизм, стремящийся к об'единению всех немцев в одно государственное целое, не может являться орудием освобождения народов. Интересы же свободы и прогресса заставляют желать поражения Германии. А это возможно только тогда, когда все об'единятся против германского милитаризма.

Но Кропоткин, повидимому, забыл о том, что дух милитаризма одинаков во всех капиталистических странах; он забыл о борьбе рабочих, о необходимости экономического освобождения, и обо всем анархическом учении. Он не призывал бельгийских, французских, английских, русских и других рабочих к отпору германского нападения путем социальной революции, т. е. путем борьбы угнетенных против своих угнетателей. И в серьезный исторический момент, в момент глубокого кризиса интернационального рабочего движения, он не сумел сохранить равновесия и последовательности и, поддавшись первому побуждению своего горячего темперамента, вступил в глубокое противоречие с тем учением, пропаганде которого он посвятил всю свою жизнь.

Позиция Кропоткина в отношении европейской войны, естественно, вызвала среди анархистов немало негодования и критики. Некоторые товарищи сохранили молчание из чувства уважения к своему любимому учителю. Другие, как Бертони, Галеани, Малатеста, Ньювенгуйс, Раевский и Яновский, выступили с возражениями против кропоткинских взглядов. Были даже такие анархисты, которые в своих выпадах против Кропоткина употребляли резкие и недостойные выражения, как, например: «Европейская война политически убила Кропоткина». «Политически Кропоткин умер в 1914 году». «Анархизм и анархо-патриотизм Кропоткина несовместимы» и тому подобные фразы. Но будем корректны и справедливы к светлой памяти Кропоткина, как достойного теоретика анархизма, и посмотрим, что писали о его военной позиции его лучшие ученики и последователи.

Луиджи Бертони в статье «Анархизм и война» писал: «Будем всегда помнить, что война может лишь ухудшить положение рабочих масс и выковать им новые цепи, независимо от того, кто окажется победителем. Война не может разрешить ни одного из наболевших социальных вопросов. Одна из задач анархистов заключается в том, что они всегда должны готовиться к революции, и в случае войны, выступить

вместе с народом против угнетателей. Анархизм против милитаризма и войны, и нельзя согласиться с Кропоткиным, когда он призывает нас к участию в войне. Анархисты должны выступить против войны!» («Фридом», октябрь 1914 г.).

Луиджи Галеани в начале 1915 года выпустил небольшую брошюру под названием «Против войны — за социальную революцию» В ней он критикует позицию милитаристов и отношение Кропоткина к европейской войне. В конце этой брошюры, вышедшей на трех языках: английском, итальянском и французском, Галеани писал: «Победа Германии над союзными государствами означала бы победу милитаризма и реакции, но победа союзников несомненно означала бы англо-французское господство, усиленное развитие милитаристического духа и наступление черной монархической реакции во всей Европе. Кропоткин, разумеется, прав, указывая на то, что Германия нарушила свободу и независимость Бельгии, подвергнув той же опасности и Францию, но он совершенно не прав в своей защите этих капиталистических государств. Выступая против милитаризма Германии, он забывает, что дух и стремления милитаризма во всех буржуазных странах одни и те же. В этом оношении Англия, Бельгия и Франция не лучше Германии, Австрии и Пруссии. Анархисты никогда не делали различия между государствами, так как все государства плохи. Анархисты считают всякую войну вредной и противной идеям международной солидарности рабочих. И одна из самых главных задач анархистов состоит в борьбе против войны и государства, в борьбе за социальную революцию во имя свободного общества».

Энрико Малатеста в статье «Анархисты забыли свои принципы» писал: « Рискуя прослыть недальновидным, я должен сознаться, что никогда не допускал возможности для социалистов приветствовать европейскую войну и, по доброй воле, участвовать в ней. Но что остается сказать, когда эту позицию заняли даже анархисты, правда, немногочисленные, но среди которых находятся товарищи, любимые и уважаемые нами?

Мне очень тяжело выступить против старого и любимого друга Кропоткина, так много сделавшего для дела анархизма. Но именно потому, что мы все так любим и уважаем Кропоткина, необходимо сделать известным, что мы не идем за ним в его выступлениях по вопросу о войне. Я верю, что все анархисты должны держаться вне всяких компромиссов с правительством и правящими классами, чтобы быть готовыми воспользоваться каждым благоприятным случаем и, при первой возможности, начать социальную революцию». («Набат», май 1915 г.).

Домела Ньювенгуйс (основатель Интернациональной Антимилитаристической Лиги) в статье «Милитаризм и анархия» писал: «Война имеет много общего с алкоголизмом; для борьбы с последним имеется одно лишь средство — бросить пьянство. Дух милитаризма можно уничтожить лишь перестав воевать.

Разочарование, постигшее наших товарищей анархистов, давших себя одурманить милитаризмом, еще опаснее, чем алкоголизм. Грустно наблюдать подобные явления, особенно, когда лица, уважаемые всеми нами, как Кропоткин и Грав, отказываются от выраженной в их же собственных произведениях антимилитаристской пропаганды и проникаются милитаристскими и антиреволюционными взглядами.

Анархисты, защищающие войну, забывают, что милитаризм есть основа всякого государства, независимо от его названия или образа правления. А государство есть система постоянного угнетения народа в интересах правящих классов. Анархия не признает классов, но лишь равных и свободных людей. Анархия не признает границ, установленных искусственным образом для разделения людей. Анархия не имеет отечества. Анархия стремится к безгосударственной жизни, т. е. к свободе и довольству для всех». («Фридом», август

1915 г.).

Максим Раевский, в статье «Кропоткин и война» писал: «В своих статьях и письмах о европейской войне П. Кропоткин призывает всех революционеров образовывать военные легионы для защиты Франции от германского нашествия. Это явление Кропоткина явилось для нас странным ударом, последствия которого долго еще будут отражаться на нас и на всем нашем движении.

Мы не преклоняемся ни перед какими авторитетами; мы ни на ноту не изменили бы своих убеждений, своего отношения к войне, если бы даже все европейские анархисты стали патриотами и защитниками войны и вступили бы в ряды сражающихся армий. Но мы все же не можем не испытывать самой глубокой боли при виде того, как один из наиболее уважаемых и любимых наших товарищей, выдающийся теоретик анархизма — П. Кропоткин изменил свои взгляды и стал защитником войны и милитаризма.

Мы думаем, что правильность взгляда Кропоткина о войне подлежит большому сомнению даже с точки зрения последовательного демократизма. Демократия, свобода и гуманитарные чувства — это понятия, которыми можно жонглировать, их можно, по желанию, повернуть в любую сторону. Но Кропоткин,, ведь, не демократ. Он учил всех нас, что пролетариат не имеет отечества, что, лишенный земли и собственности, он не должен защищать буржуазию, и что все государства, во всех их формах, являются организациями господствующих классов для порабощения народных масс.

Мы, поэтому, продолжаем верить, что задача анархистов во время войны заключается в том, чтобы использовать первое ослабление сил правительства и призвать всех рабочих и сознательных солдат к вооруженному восстанию — к социальной революции во имя идеалов безгосударственного социализма». («Голос Труда», номер 5. Октябрь 1914 г.).

Шарл Яновский в одной из своих замечательных редакционных статей в газете «Фрайн Арбертер Штиме» от 12 декабря 1914 года писал: «С чувством глубокой боли я вынужден выступить против отношения Кропоткина к европейской войне. Долгие годы я почти во всем соглашался с Кропоткиным, и если случалось, что наши мнения и взгляды расходились, то я всегда уступал. Я всегда питал уважение и любовь к Кропоткину, как к редкому человеку и борцу за высшие идеалы. Но его теперешняя военная позиция не дает мне покоя и заставляет выступить против него. Я чувствую и убежден, что Кропоткин не прав. Кропоткин возмущается дикими расправами германских солдат в захваченных территориях Бельгии и Франции и сильно негодует против германского милитаризма. Но разве английские, французские и русские солдаты лучше и гуманнее германских? Виновны не солдаты, а государство, капиталисты и буржуазная пресса, порождающие войну и другие несчастья!

Преступный милитаризм везде одинаков, — эту истину надо всегда помнить. Давно уже известно, что преступная школа милитаризма превращает солдат в диких зверей, готовых убивать и насиловать... Надо, поэтому, бороться против причин, вызывающих войну. Надо уничтожить власть и капитал — тогда не будет войны и милитаризма».

В унисон с этими анархистами, протестовавшими против военной позиции Кропоткина, высказалась почти вся международная анархическая пресса, выступившая против войны и, понятно, против участия в ней анархистов. А в марте 1915 года был выпущен манифест анархистов о войне, изданный на английском, французском, немецком и русском языках и подписанный 36-ю видными членами Анархического Интернационала. Манифест решительно выступил против войны и в своем заключении призывал анархистов к протестам против войны и милитаризма и к борьбе за полную свободу, «достигаемую путем уничтожения государства и его органов угнетения».

Дружные протесты против войны почти

всего мирового анархического движения все таки не приостановили раскола среди анархистов; при чем в полемике о войне наметились два главных направления: огромное большинство анархистов выступило против войны и милитаризма вообще, и против военной позиции Кропоткина в частности; незначительное меньшинство анархистов призывало к участию в войне и защищало взгляды Кропоткина.

Отношение Кропоткина к европейской войне 1914—1918 г.г., как мы видим, вызвало среди многих анархистов немало толков, споров и разногласий. Анархисты разошлись в своих взглядах о войне и милитаризме. Возможно, что Кропоткин ошибся, считая именно германский милитаризм самой большой опасностью для свободы и счастья европейских народов; возможно так же, что он слишком идеализировал Францию, считая ее передовой, революционной страной, но одно бесспорно: Кропоткину нельзя отказать ни в глубокой вере в торжество идеалов мира, справедливости и свободы, ни в искренности его взглядов и выводов, к которым он пришел в вопросе о прошлой европейской войне.

Л. Липоткин.

"АНАРХИСТЫ" И АНАРХИЗМ

Анархизм есть совершенно определенное учение — учение о безвластии. Это учение можно понимать глубоко или мелко, широко или узко и, наконец, как и всякое другое учение, можно не понимать вовсе. Понимающие могут подходить к анархизму различно: философски или научно, социологически или политически, матефизически или религиозно, экономически или юридически и т. д. Непонимающие также могут подходить к анархизму со всех этих и даже еще с большего числа точек зрения.

Анархизм есть учение молодое и, как всякое молодое учение, требует от своих последователей известной силы, чтобы стоять с этим учением против общепринятого. Поэтому люди, проповедующие в настоящее время анархизм, являются в известной мере и до известной степени людьми сильными. Однако эти сильные люди выросли среди условий совершенно не анархической общественности и поэтому одним из них больше, другим — меньше удалось проникать себя и свои силы истинно анархическим мировоззрением. В меру всех этих условий они являются борцами за анархическую действительность, но в силу тех же условий многие из них кристаллизуются в натуры индивидуально - властные и нетерпимые. Такая натура всегда будет сознательно или инстинктивно стремиться использовать пропаганду безвластия, как средство для утверждения личной власти. Подобная метаморфоза возможна, когда люди рассматривают идеи, как собственность, так как тогда моя власть утверждается торжеством моей идеи.

Сравнительно же большая моральная сила отдельных анархистов как раз и способствует такому излому. Тогда о таком человеке можно сказать, что на нем, как анархисте, можно поставить крест, ибо и он соблазнился и соблазнившись присвоил свободу себе, как вещь, как нечто, чем только он один владеет и чем в меру своей благости делится с окружающими. Анархист становится монархистом. А между тем, неуклонно, хотя быть может, и медленно растет анархическое движение, пробивая себе дорогу через все пережитки и предрассудки, чрез преодоление тысяч препятствий, вырастающих на его пути.

Самыми трудными препятствиями являются, однако, не внешние, но внутренние, те которые рождаются из недр самого анархического движения. И так как борцы за анархизм вышли из условий не анархического быта, то этот неанархический быт насквозь пропитывает всех нас. Поэтому борьба за анархизм должна быть двухсторонней. Необходимо в самом себе убить

старого ветхого человека, воспитанного на власти и насилии во внешнем мире. Далеко не все способны на это и как раз те, которые сильнее, если только они не сильны достаточно, как раз они то и склонны больше учить о безвластии других, чем поступать так самим.

Много есть различных типов людей, принимающих деятельное участие в анархическом движении — есть искренние и понимающие, есть неискренние и понимающие, есть искренние, но непонимающие и есть, наконец и неискренние и непонимающие. Многообразие это получается оттого, что анархизм, как и всякое общественное движение, могущее рассчитывать на будущее, привлекает к себе людей самых разнообразных устремлений, а между прочим, и таких, которые стремятся воспользоваться движением, как ходом в игре, которую они сами для себя разыгрывают.

Ясно, что не дело анархистов пытаться залезать в чужую душу для отыскания тайных намерений и целей кого бы то ни было. Нам, анархистам, это совершенно безразлично, ибо каждый отвечает сам за себя и однако именно нам, относящимся более, чем кто либо свободно и непредвзято к другим людям, особенно необходимо в то же время отдавать себе ясный отчет в том, с кем мы имеем дело, тем более, когда мы имеем дело не только с тайными намерениями, но и совершенно реальными, конкретными делами и поступками. Мало назвать себя анархистом, ибо и многие белогвардейцы называли себя так, как они называли себя — и большевиками и еще чем угодно, и не всякий говорящий: «Господи, Господи» достоин царства небесного.

В частности, мне хотелось бы остановиться здесь на одном очень ярком явлении нашиx дней, ярком потому, что оно показывает, как, исходя из абсолютного отрицания власти, насилия, государства, партии, можно притти к утверждению всего этого и притом воображая себя попрежнему анархистом.

Таким образом, мы ставим вопрос, каким образом возможно существование людей, называющих себя анархистами и в то же время вступающих в партию или пытающихся организовать анархическую партию, хотя и замаскированную разными названиями.

Здесь не место доказывать и без того известную несовместимость анархизма с партийностью, но чтобы напомнить все-таки всю величину этой несовместимости, я приведу определение того и другого.

Анархизм есть учение, отрицающее всякую власть над человеком. Партия есть организация, основанная на власти большинства, на власти центрального комитета, на партийной дисциплине и ставящая своей целью завоевание власти для дальнейшего властвования.

Смею думать, что черное и белое различается между собою менее резко, чем два только что охарактеризованных понятия и если, тем не менее, в иных головах и сердцах они оказываются соединенными знаком равенства, то причин этого приходится искать уже не в логике, а в психологии и если еще Достоевский предостерегал, что психология — палка о двух концах, то в данном случае другой конец граничит с глупостью, а потому и избавляет нас от труда его разбора. Таким образом, остается только один конец, когда люди понимают невыносимость противоречия между анархизмом и партийностью и все таки поступают так, как будто здесь не противоречие, а самая райская гармония. Понятно, что поступать так подобные люди могут на основании известных причин и для определенных целей. О целях мы говорить не будем, а на причинах немного остановимся.

Ясно, что в основе деятельности стремящегося достигнуть власти с помощью проповеди безвластия лежит не само стремление к безвластью, но определенный импульс к власти, ибо первое у таких людей выражается в словах, а второе в поступках.

Воспитанные в старых формах жизни подобные люди недостаточно сильны, чтобы уничтожить в себе властность, но тем не менее, достаточно сильны, чтобы быть

властными и стремиться к власти.

В условиях свободной проповеди анархизма эта властность находит себе пищу в проповеди, в привлечении единомышленников, в демагогии и т. д., способствуя образованию и существованию того уродливого явления, от которого не застрахован даже и анархизм, не говоря уже об организациях партийных, — явления, носящего характерное название генеральства. Однако, в условиях широкой свободы слова, пропаганды и т. д., подобное явление не может достигнуть сколько нибудь крупных размеров, ибо оно медленно рассасывается здоровыми, жизненными соками организма общественного движения. Не то происходит, когда данное движение стеснено, испытывает даже не гонения, а нечто ставящее движение в условия, стремящееся это движение превратить в застой. Вот тогда то на почве такого застоя, хотя носящего и местный характер, немедленно образуются как бы затоны со стоячей водой, постепенно превращающиеся в болото. В болоте же тесно всем и каждый стремится из него выбраться так, как он может. Одни выбираются просто уходя и пробиваясь к свежим проточным струям, другие, вместо этого, начинают взаимную грызню, а третьи с генеральскими ухватками, пытаются снова создать для себя свиту в виде партии.

Ясно, что подобные явления суть типичные болезненные и единственным лекарством от них могут быть только свет, воздух, гласность, движения. Пора анархизму оставить костыли социализма, пора стать на свои собственные ноги, и почерпая свою силу в том светлом, здоровом, могучем ядре, которое он несет в себе, в своем учении о безвластии, откинуть все компромиссы и пойти смело и бодро навстречу грядущему, творя жизнь и правду, принося людям мир и освобождение.

А. А. С.

АНАРХИСТ ДОКТОР СТОКМАН („ВРАГ НАРОДА")

(Отрывок из лекции «Анархистские идеи в произведениях Ибсена»).

Если в Ибсеновском Бранде спаяны воедино религиозный проповедник и анархист, то в докторе Стокмане мы имеем чистокровного анархиста.

Обратимся, прежде всего, к содержанию замечательной пьесы. В приморском городке — курорте, на юге Норвегии, в небогатой, но мило обставленной квартире живет доктор Стокман с женой, дочерью и двумя сыновьями. До своего переезда на юг, он провел несколько лет на севере, в захолустьи, где свежего человека не видать, живого слова не слыхать. Теперь, попав в городок, он полон энергии и желания работать. В качестве курортного врача он делает все возможное для процветания курорта. Но вот, среди приезжих больных появляются какие-то странные, необ'яснимые заболевания. Для того, чтобы выяснить в чем дело, доктор Стокман посылает пробы питьевой и морской воды в университет для точного химического анализа. И что же оказывается? «Вся водолечебница — окрашенный гроб, внутри полный заразы?: вся мерзость из мельничной долины, вся вонючая гадость заражает воду, протекающую по водопроводным трубам в здание, где пьют воду; эта же ядовитая дрянь просачивается в морские купальни.

Итак, в воде констатировано присутствие гниющих органических веществ и масса бактерий. Своему открытию доктор Стокман чрезвычайно рад, ибо надеется, до открытия сезона, принять нужные меры для предотвращения могущих случиться заболеваний. Придется всю водопроводную сеть прокладывать заново; в этом виноваты заправилы города: это по их вине проводка сделана так неудачно.

Доктор Стокман верит, чот научной истине, открытой им, все будут рады, даже, пожалуй, и брат его Петер. Редактор Гов-

стад предлагает к услугам доктора свою газету; типографщик Аслаксен, старшина союза домохозяев и представитель друзей трезвости, уверяет, что если дело дойдет до борьбы за открытие доктора, то за ним будет стоять сплоченное большинство.

Все эти приготовления к борьбе удивляют Стокмана; истина, по его мнению — уже потому одному, что она — истина, — должна победить. Он пока еще не понимает, что, при современном общественном устройстве, всякая истина, как бы велик ни был ее размах, столкнувшись с интересами кармана, с ужасом отвергается и побивается камнями. Появляется глава города и огорашивает Стокмана следующими заявлением: расходы по переустройству курорта обойдутся в несколько сот тысяч крон, да и работа потребует не меньше двух лет. На это время курорт должен быть закрыт, а это явится разорением для города Следовательно, во имя частновладельческих интересов и амбиции старых заправил, водолечебница и водокачка должны попрежнему оставаться на месте, кишащем миазмами.

Бургомистр грозит доктору, в случае опубликования им своего доклада, трактующего об антисанитарном состоянии водолечебницы, лишить его места, ибо не полагается выступать с мнениями и убеждениями, не согласными с убеждениями начальства».

Но доктора трудно переубедить. Раз источник благосостояния отравлен и построен на обмане, его нужно уничтожить. Твердо решает он бороться, хотя бы все были против него. Теперь уже дело не в одной водокачке, — всю общественную жизнь нужно продезинфецировать. Безграничные горизонты открываются перед ним.

Как же обстоит дело с союзниками его: с независимой прессой и большинством домохозяев? Представитель последних Аслаксен сразу заявляет: «когда дело дойдет до местных властей, я трушу, я не даром прошел школу опыта, скажу я вам». Да и Говстат меняет фронт, когда выясняется, что расходы по переустройству водолечебницы должны нести мелкие обыватели.

Значит друзья изменили. И все-же Стокман остается непоколебимым: «воображают, что меня можно заставить замолчать, что можно замолчать истину. Не так то это будет вам легко, как вы думаете». Он объявит всем о своем открытии на митинге. «Все сограждане услышат голос истины».

Сцена митинга изображена с гениальным мастерством: это шедевр, равного которому трудно найти в мировой литературе. Пред нами зала капитана Горстера, в которой происходит большая сходка городских обывателей всех сословий. По предложению бургомистра, не желающего, чтобы сведения о водолечебнице нашли широкое распространение, доктора хотят лишить слова. Но он сам отказывается от чтения своего доклада о водокачке, ибо хочет высказаться о более важных вещах. Вот в существенных чертах его декларация:

В последнее время он много думал и размышлял, пока не разобрался во многом. Он сделал открытие, имеющее куда более обширное значение, нежели пустячная новость, что водопровод отравлен и что водолечебница стоит на почве, кишащей миазмами. Он открыл, «что все наши духовные и жизненные источники — отравлены, что вся наша гражданская общественная жизнь зиждется на зараженной ложью почве». У него открылись глаза «на невероятно безобразное хозяйничанье наших заправил»; этих господ он не выносит,—довольно таки навидался он их на своем веку.

«Они, словно козлы, пущенные в огород, — все гадят, они становятся поперек дороги свободному человеку, куда он не повернется... И самое лучшее было бы истребить их, как вредных животных». Но не этого рода люди представляют самую грозную опасность для общества, «не они наиболее содействуют отравлению источников нашей духовной жизни и заражению общественной почвы; не они опаснейшие враги истины и свободы в нашем обществе...... Опаснейшие среди нас враги истины и свободы — это сплоченное большинство. Да, проклятое, сплоченное, либеральное боль-

шинство.... Большинство никогда не бывает право.... Это общественная ложь, одна из тех общепринятых лживых условностей, против которых обязан восстать каждый свободный и мыслящий человек. Из каких людей составляется большинство в стране? Из умных или глупых? Он думает, все все согласятся, что глупые люди составляют подавляющее большинство на всем земном шаре. Но правильно ли, чорт возьми! чтобы глупые управляли умными? На стороне большинства — сила, к сожалению, но не право. Правы он (доктор Стокман) и немногие другие единичные личности. Меньшинство всегда право, речь идет не о кучке хилых, на ладан дышащих умников, плетущихся позади». Он говорит «о немногих отдельных единицах, усваивающих себе новые едва нарождающиеся истины. Эти люди стоят, как бы на аванпостах человечества, так далеко впереди, что сплоченное большинство еще не добралось туда, и там бьются за истины, народившиеся в сознании еще слишком недавно, чтоб успеть сплотить вокруг себя какое нибудь большинство. Все эти истины, признанные большинством, похожи на прошлогоднее копченое мясо, на прогорклые, испорченные, заплесневшие окорока, от них делается нравственная цынга, свирепствующая повсюду в общественной жизни....

Бессмысленно проповедывать, что масса, чернь, серая толпа составляет ядро общества, что это и есть сам народ. «Чернь не что иное, как сырой материал, из которого народ должен создать людей». «Простонародье ютится не только в низших слоях, оно кишит вокруг нас, достигая вершин общества». Люди, думающие головой начальства, духовные плебеи. Не культура деморализует, а тупость, нищета, безобразие житейских условий. Он «так любит свой родной город, что лучше готов разорить его, чем смотреть, как он процветает во лжи! Что за беда разорить лживое общество. Его надо стереть с лица земли! Живущих во лжи надо истреблять, как вредных животных! Вы, в конце концов, заразите всю страну, доведете до того, что вся страна заслужит быть опустошенной. И если дойдет до этого, то я от всего сердца скажу: да будет опустошена вся эта страна, да сгибнет весь этот народ!»

За эту речь доктора об'являют врагом народа, выбивают в доме стекла. Несмотря на поток ненависти, бурлящий в городке и грозящий поглотить Стокмана, он все же решает остаться здесь для новой борьбы. Уличных малышей и оборвышей сооирет он вокруг себя и воспитывает их для того, чтобы, когда они станут свободными людьми, с их помощью прогнать всех серых волков далеко, далеко на запад, за море...

Остановимся теперь на отдельных местах декларации доктора Стокмана. Прежде всего, как относится сам Ибсен к «Врагу народа». В письме к Гегелю от 9-го сентября 1882 года норвежский драматург пишет: «Мы так превосходно сошлись с доктором Стокманом, так схожи с ним во многом. Но доктор куда больше взбалмошная голова, чем я». Не будет большой натяжкой, если мы скажем, памятуя историю появления замечательной пьесы, что Стокман и Ибсен одно и то-же лицо.

Мы помним, что первое фундаментальное открытие Стокмана — Ибсена заключается в том, что все наши духовные, жизненные источники отравлены.

На этом, с разных точек зрения подходя к современной жизни, сошлись все виднейшие представители анархической идеологии. Место и время не позволяют провести детальную параллель.

Далее: является ли творческой государственная власть в лице своих администраторов?

«Этих господ (речь идет о заправилах) — говорит Стокман: — я не выношу. Они, словно козлы, пущенные в огород, — все гадят; они становятся поперек дороги свободному человеку, куда он не повернется». Что же делать с ними? Не заменить ли их людьми более способными, как предлагают некоторые? Анархисты на все эти вопросы дают очень недвусмысленный ответ. Всякая высшая или низшая власть,

в какие бы одежды она ни наряжалась, какими бы лозунгами и принципами ни прикрывалась, правящая помощью кулака, пытающаяся все организовать на началах иерархических, — должна быть упразднена. «И самое лучшее было бы истребить их, как вредных животных» — говорит Стокман.

Но что делать с теми формами общественной жизни, к которым все привыкли, что делать со всеми ценностями физическими и духовными, созданными этим обществом, — что вообще делать с обществом, если оно коверкает и кромсает личность?

Но предварительно, что такое общество для анархиста? «Общество — это сочетание индивидуальных энергий для борьбы с внешними условиями, неблагоприятными со хранению и развитию индивида и вида. Затрачивая энергию коллективно, легче производить все необходимое для наибольшего и широкого удовлетворения всех потребностей всех индивидов. Общество — наилучший для человека способ борьбы за существование. Принцип минимума затраты энергии в соединении с максимумом полученной полезной работы и удовлетворенных потребностей, — принцип, лежащий в основе общественности, — мог осуществиться только при координации производительных энергий, при свободной кооперации и общности потребления продуктов производства». («Хлеб и Воля», стр. 93). К такому обществу личность имеет право пред'явить требование о недопущении несчастья хотя бы одного человека, «так как при общей зависимости людей друг от друга, причину его несчастья пришлось бы искать в неустройстве всего общества». Что же делать с обществом, убивающим личность? Разрушить, — ответит анархист: — заменив сие миром новых экономических, философских и социальных форм.

Как думает об этом Стокман? А вот как: «что за беда разорить лживое общество. Его надо стереть с лица земли! Живущих во лжи надо истреблять, как вредных животных! Вы в конце концов заразите всю страну, доведете до того, что вся страна заслужит быть опустошенной. И если дойдет до этого, то я от всего сердца скажу: да будет опустошена вся эта страна, да сгибнет весь этот народ!».

Но почему же непременно разрушить, почему не реформы? Потому что все источники отравлены и, разрушая их, человечество откроет дорогу новым строителям, очистит место для возведения новой постройки. «Дух разрушающий есть в то же время созидающий дух».

Кто же возьмет на себя роль революционного разрушения и строительства? На кого анархизм возлагает эту миссию? — На неимущих, просветленных анархистским миросозерцанием. Не один социально-экономический, но и социально-этический момент подчеркивается.

А как Стокман собирается приступить к борьбе? — Собрать уличных малышей, настоящих оборвышей, воспитать их и, когда они станут свободными людьми, прогнать всех серых волков на запад, за море.

Мы видим, что и миросозерцание и тактика доктора Стокмана всецело вкладываются в рамки анархизма.

Я умышленно оставил вопрос о власти большинства под конец. Вернемся к нему. В письме Ибсена из Рима от 30-го января 1882 года, мы можем прочесть следующее: «Бьернсон говорит: «большинство всегда право». И в качестве политика — практика, верно, и приходится так говорить. Я, напротив, вынужден сказать: «меньшинство всегда право». Само собой разумеется, я при этом не имею в виду меньшинства состоящего из людей застоя, отсталых членов огромной срединной партии, называемой у нас либеральною; я говорю о меньшинстве, которое идет впереди и которого большинство еще не догнало. По моему, правы те, которые ближе всего к союзу с будущим».

И еще в письме к Брандесу от 12-го июня 1883 года: «Я остаюсь при своем мнении, что передовой борец за идеи никогда не может собрать вокруг себя большинства. Может быть, лет через 10 большинство и дойдет до того пункта, на котором стоял доктор Стокман во время на-

родного собрания. Но он то в эти 10 лет не будет стоять на одном месте; он опять на 10 лет опередит большинство: большинству, массе, толпе никогда его не догнать и ему никогда не собрать вокруг себя большинства».

На первый взгляд кажется, что Ибсен допустил крупную историческую ошибку, нападая на большинство. Ведь большинство всегда было об'ектом эксплоатации меньшинства. Самые кровавые страницы истории лучше всего свидетельствуют о расправах организованной кучки над подавляющим большинством народа. И вдруг угнетавшее меньшинство оказывается правым, а страдающее большинство — душителем и губителем. Так ли это? Нет, совсем не так, совсем не о том говорит Стокман-Ибсен.

Для анархиста не может быть речи о справедливой власти большинства или меньшинства. От кого бы власть ни исходила —она ненавистна анархисту. Показательны в этом отношении красноречивые слова Бакунина: «если-б интернационал мог сделаться государством, то из теперешних его убежденных и страстных приверженцев мы превратились бы в его отчаянных врагов».

Если с огосударственным интернационалом дело обстоит так плохо, то со всякого рода правящим большинством или меньшинством анархистам, наверно, не примириться.

У Ибсена речь идет не «о кучке хилых, на ладан дышащих умников, плетущихся позади» и угнетающих большинство, а о тех немногих духовных аристократах, усваивающих едва нарождающиеся истины и борющихся за них на аванпостах человечества. Это-то и подчеркивает Ибсен в письме из Рима, указывая на правоту стоящих ближе всего к союзу с будущим.

Энге.

БЕЗВЛАСТИЕ

Я горд в своем сумасшествии
Над застывшими урнами.
В огнедымности дымного шествия
Весь — небоштурмами.

Время вымощу хохотом!
Вечность порву на части!
В паденьи мощи грохотом,
Ударным ревом: Безвластие!

**

Эй! твердогрудые!
Не разбейтесь о камни!
На разбухшие груды
Вам ли?

Вам ли, боря Неизвестное,
В пасти попасть гиенные?
Радость несут воскресную...
Брысь! не мешай, Вселенная!

**

С морем ли, с небом поспориться,
Брови угрозно узорятся,
Взволнится, взвихрится бесиво.
Головы вскинуты спесиво.

Кованы груди железные,
Вылиты груди чугунные.
Молотом бьют о Безбрежное,
Рушат застенки сумные.

**

С вами идут, твердогрудые,
В вихре безумного пламени.
Бросим же в мертвые груды
Кличи Черного Знамени!

В ярь огневихрь разыграется...
Скличь супостатам несчастье!..
Морем палючим вздымается,
Жаркою грудью Безвластья.

А. К.

ИЗ СТАТЬИ Е. З. ДОЛИНИНА-МОРАВСКОГО

Вся жизнь зло и страдание. Это прекрасно поняли буддисты. Анархизм, как социальное благополучие, не принесет людям счастья до тех пор, пока люди не найдут каких-то новых ценностей в жизни. Счастье не заключается в сытости. Надо найти смысл жизни, надо понять космическое назначение человека. Отсюда должен выте-

вать анархизм. А если он не будет связан с космическими истоками, он не принесет людям подлинного счастья и освобождения. Надо думать не только о земном, но надо думать и о горнем. Анархизм должен быть учением универсальным.

Большевизм есть величайшее зло. Большевизм это антихристово царство. Прежде всего надо бороться с этими черными силами. И всякие мечты об анархизме будут напрасными до тех пор, пока не будет уничтожен большевизм.

Политике — грош цена. Человек — это великая онтологическая реальность. Истинный анархист не может склеивать свое миросозерцание из разных черепков. Оно должно быть целостным. Оно должно иметь глубинные основы. Я в Бытии и Бытие во мне. Истинный анархизм рождается от духа Вечности. Все временное и непостоянное подвержено смерти.

1924.

КАК РАССУЖДАЕТ АНАРХИСТ, НАЗНАЧЕННЫЙ В ИСПАНИИ НА ПОСТ ГУБЕРНАТОРА

Анархист - синдикалист Давид Антона, назначенный на пост губернатора Сиудад Либре, в интервью с представителем Барселонского Информационного Бюллетеня заявил следующее:

— Не могу судить о себе самом. Прибытие мое в Сиудад Либре явилось неожиданностью для некоторых, ибо первый раз произошло, что член НКТ занял пост губернатора. Необходимо припомнить кампанию в печати компартии против Национальной Конференции Труда, где нас представляли, как безответственных и неспособных принять меры в соответствии с действительностью. С моей стороны, я намеревался действовать по директивам правительства национального союза и с твердостью, необходимой в переживаемый трагический момент.

— Каковы ваши квалификации?

«Не знаю, — имею ли я, или нет необходимые квалификации, да это меня и не интересует. Для спасения Испании в теперешнем положении необходимо, чтобы все лица, занимающие ответственные посты, действовали с полной беспристрастностью во всех своих действиях. Одна из причин та, что среди нас нет полного согласия — стремления к господству одной из политических партий. Эти поползновения захватывать все в свое исключительное владение приводят только к раздорам и трениям между теми, кто должен бы смотреть друг на друга, как братья. Хотя я и являюсь делегатом от НКТ, но принял пост губернатора не для того, чтобы только служить собственной организации. Единственно правильная политика для нас — освободить завоеванную часть нашей страны от ига агрессоров.

На этом закончилось интервью. Говоря о мании к гегемонии одной из партий, Д. Антона добавил:

«Всякий должен занимать пост, соответствующий его способностям. Под этим я понимаю, что те из активистов, что вели борьбу и были выдвинуты на руководящие посты, не являются только кандидатами к расстрелу и не должны терять время на философские рассуждения или пропаганду для своего сектора. Необходимо трудиться настойчиво и неустанно. Те, кто нарушает эти нормы, будут нести клеймо предательства делу, которому они будто бы служат.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЭЛЛИНИЗМА В МИРОВОЗЗРЕНИ Е. З. ДОЛИНИНА (МОРАВСКОГО)

(ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ М. РУБЕЖАНИНЫМ НА ПОМИНАЛЬНОМ СОБРАНИИ В ЧИКАГО, 18-го МАРТА 1939 ГОДА)

Год тому назад, в субботу 19-го марта 1938 года, в захолустном городке Массилон, в штате Огайо, в доме своего тестя Коваля умер Евгений Захарович Долинин, более всего известный и в Чикаго и за его пределами как Моравский, — псевдоним, которым покойный, по некоторым соображениям, пользовался до самой своей смерти.

В понедельник, 21-го марта, в том-же Массилоне, при участии родных своей жены и ближайших друзей из Чикаго, Детройта и других мест, состоялись скромные похороны Евгения Захаровича.

Похоронили его без помпы, без шума, без любопытной толпы, без священника. И над могилой отошедшего в вечность не прозвучали фальшивые речи. Древние греки говорили, что любимцы богов умирают молодыми: Моравский умер на 41 году своей жизни.

Без преувеличения можно сказать, что покойного Моравского знала вся русская Америка как журналиста, многолетнего редактора газеты «Рассвет» и лектора. Этого на вид тщедушного, но моложавого, не старевшегося, обладавшего казалось каким то секретом вечной молодости, человека уважали даже его злейшие враги — здешние большевики, к которым он был непримирим и беспощаден и которые грязнили его имя в «Новом Мире», и вместе с тем искали с ним встреч, чтобы поговорить с умным и образованным человеком.

Евгений Захарович был искусный софист, человек обширных знаний в области философии, социологии, религии, литературы, юридических наук (по образованию адвокат), и состязаться ему с кем бы то ни было доставляло одно лишь удовольствие.

На диспуты Е. З. шел как на развлечение. Ни к диспутам, ни к своим лекциям никогда он не готовился. У него был неисчерпаемый клад знаний и прекрасная память. Ни в заметках, ни в конспектах своих лекций Е. З. никогда не нуждался. У него был природный ораторский талант, ровная, плавная, красивая, убедительная речь. Этот человек обладал непревзойденным хладнокровием, его нельзя было вывести из равновесия, довести до раздражения, до самозабвения. Своим хладнокровием он выводил из терпения оппонентов, доводил их до горячечного состояния и тогда без особенных усилий клал на обе лопатки.

В речи этого человека не было ни крика, ни декламации, ни демагогии, ни политического ухарства. Он всегда говорил спокойно, с достоинством. Моравский не произносил зажигательных речей, не терпел агитки, потрясаний кулаками в воздухе по адресу мнимых или действительных врагов. Это были продуманные, академические речи, и Е. З. походил более всего на профессора, чем на пропагандиста и агитатора. И мне казалось, что слушатели не всегда проникаются благородством его речей и намерений;что проникновенное слово его— глас вопиющего в пустыне. Ибо публике, прежде всего, нужна не красота и духовное благородство, ни даже знания, а нечто острое, ошеломляющее, одуряющее. И толпа рукоплещет цезарям, простирается ниц перед диктаторами, восхищается демагогами, восхваляет своих палачей и побивает камнями своих пророков, лучших людей, поднимающих голос против низменных инстинктов, против власти тьмы, против порабощения душ и тел людских.

«Дьяволов водевиль» — не раз приходилось мне слышать от Е. З. такую характеристику нашей современной жизни. И в этом заявлении не было ничего преувеличенного. Действительно, мы живем в эпоху, когда мир постепенно превращается в су-

масшедший дом. В некоторых странах уже на всех надеты смирительные рубашки под предлогом превращения их в земной рай, под видом облагодетельствования всего человечества.

Евгений Захарович, убежавший из России в Америку в 1924 году, вырвался из об'ятий апокалипсического ««Зверя из бездны». И он говорил: большевики это — бесы, одержимые. С ними не может быть примирения. Все предвидения персонажей «Бесов» Достоевского блекнут перед большевицкой действительностью. Уничтожены честь, нравственные устои жизни (напр., поощряют доносы детей на родителей и т. п.). Намеченная Верховенским программа разрушения осуществлена. «Останемся только мы, заранее предназначившие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедем верхом».

Но Сталин заткнул за пояс даже бесноватого героя Достоевского — умные ему не нужны, опасны его господству и он делает ставку на глупцов. Легко себе представить, что все это закончится не иначе, как грандиозной катастрофой.

Евгений Захарович прибыл в Нью Йорк к концу лета 1924 года, и в Америке он прожил около 14 лет. Выписали его сюда из Москвы волновцы и бесвластники, группировавшиеся вокруг нью-иоркских «Американских Известий».

Они поддерживали связь с московскими анархистами - карелинцами. Покойный Карелин и рекомендовал Е. З., как человека образованного и способного для организационной работы. Это был его второй приезд в Америку. В первый приезд его сюда еще до революции, Е. З. жил в Питтсбурге и выпустил несколько номеров анархической газеты «Рабочая Мысль». Известен он был там под именем Р. Эрманда. Под этим псевдонимом появилось и большинство его стихов. Е. З. вернулся в Россию в самый разгар революции и гражданской войны, и ему пришлось быть одним из действующих лиц этой великой и страшной драмы.

Этого мягкого, безобидного человека, дорожившего жизнью всякого существа, заставили с винтовкой в руках защищать революцию.

Сражался он в рядах красной армии и о своей воинственности отзывался не без иронии.

— Неужели вы, Е. З., убивали людей на войне? — как-то спросил я его.

— Ну, куда там убивал — стрелял всегда в воздух...

— Но шальная пуля могла угодить прямо в вас?

— Ну, смерти я не боялся — не было времени думать об этом...

Только немногие из старых союзовцев — Додокин (в Канаде), П. Чиж и Комса (в Нью Иорке), Щука (теперь баптист в Чикаго), более-менее, знали Е. З. лично или через переписку об его организационной работе в Питтсбурге. Новой-же смене бесвластников Е. З. совсем не был известен, но коль скоро его рекомендует такой известный человек, как Карелин, то этого было вполне достаточно. Были собраны средства для нелегального переселения Е. З. в Америку, так как иных путей не было. И приехал Е. З. контрабандно в Америку, прожил в ней 14 лет на глазах у всех —друзей и недругов — без всяких особенных приключений с властями; незадолго до своей смерти даже легализировался и собирался скоро получить гражданские бумаги.

На пути в Америку Е. З. на несколько месяцев задержался на Кубе. Завязалась с ним переписка, появились его первые статьи в «Волне» и в «Амер. Известиях». Это были меткие, сильные удары по большевизму, а заодно и по родственным и близким ему по духу — полуанархическим, анархо-большевицким и анархо-синдикалистским теориям.

Произошло нечто вроде поединка в «Волне» между Е. З. (Дельта), отстаивавшим позиции идеалистической философии и Волиным — теоретиком эклектического, об'единенного анархизма, задавшегося целью синтезировать, ввести в одно русло все его разветвления.

Дельта восставал не столько против практики единства, сотрудничества в анар-

хической среде, сколько против навязывания анархическому движению единого руководства, обрубания сучьев многообразного анархического дерева, подчинения его единой воле и диктатуре. Ко всему этому ведь и ведет об'единенчество и анархо-синдикализм. Особенно Е. З. восставал против вульгаризации и материализации анархического учения. Разве большевизм в России — этот плод марксистской материалистической философии — не выявил своего зверского лица, не разбудил в народных массах низменных, дурных и темных инстинктов? Большевики раздавили, втоптали в грязь все невмещающееся в их прокрустово ложе марксизма — культуру, религию, искусство, мораль; уничтожили духовные ценности, цивилизацию; ограбили, опоганили душу человека, но у них вышел не земной рай, не царство труда и даже не зверинец, а сумасшедший дом и всеобщее тюремное заключение взамен всеобщего счастья и благосостояния.

Если материализм, разжигание страстей и безграничных желаний неизбежно приводят к озверению людей, к понижению их культурного уровня, а жизнь общества в целом—к упадку и регрессу, то не следует ли из всего этого сделать вывод о том, что безразсудно пользоваться негодными средствами, приводящими к столь пагубным и роковым последствиям?

— Нельзя сторoить здание будущего общества на песке материалистической философии, — любил повторять Евгений Захарович. Вавилонская башня, говаривал покойник, поучительный урок всем подобным строителям. До Бога не добрались и все закончилось беспорядком, смешением языков.

Ни из демократии, ни из социализма, ни даже из анархизма не выйдет рая земного, если строителями его будут невежественные, грубые, ожесточенные и безнравственные люди, интересующиеся только земными благами, плотью, а не духовным и душой. Различие между плотским и духовным человеком прекрасно определил еще Сократ, сказавший, что люди, «или вернее подавляющее большинство из них живут для того, чтобы есть, он-же, Сократ, ест для того, чтобы жить».

И трагедия Русской революции состоит, главным образом, в том, что руководители ее — большевики упростили человека, опростоволосили его, обесценили его, лишили его человеческого достоинства и превратили в безвольный и бездушный автомат, в винтик огромной государственной машины.

Большевики искореняют религию, хотят лишить человека религиозного сознания, ощущения мистической, непостижимой силы, сотворившей все видимое и невидимое, что с самого момента появления на земле отличало и возвышало человека над животным миром.

И большевицкий человек уже не человек, не разумное существо со свободной волей, а какой-то нравственный ублюдок, дрессированный гомункл, робот, в лучшем случае полуживотное.

Конечно, люди такого порядка не смогут создать ничего замечательного, возвышенного, достойного человека и чтобы они ни строили — коммунизм или социализм—все равно получится казарма или скотный загон не особенно высокого качества.

Нельзя полагаться и на политиков—несть бо в них спасения, они—лжецы, обманщики и лицемеры. От самого сотворения Адама и до наших дней человечество ищет путей к свободе, к счастью, к золотому веку, к царству Божию на земле. Но неуловимая «Синяя птица» ускользает из его рук. Очевидно, что счастье недостижимо одними земными средствами. Отвергавший Христа Ницше искал «сверх-человека», который мог-бы преодолеть все преграды, все превзойти и покорить даже смерть. Но Ницше кончил сумасшедшим домом, а прототип его «сверх-человека» — нынешний правитель Германии — занимается шантажем и разбоем.

«Великий Инквизитор» Достоевского—этот «сверх-человек» наизнанку, мог предложить человечеству только новый вид рабства. Огосударствленное христианство, по меткому замечанию величайшего немецкого философа Канта, превратилось «в благочестивый вздор»; в руках реакционных пра-

вительств церковь стала орудием «теологического обскурантизма и политического угнетения».

Но очищенная от политической скверны, освобожденная от государственной опеки христианская церковь могла-бы служить делу обновления всего мира. Револьвер, силу надо заменить крестом, духовным оружием. Насилие и принуждение — наставлением, религиозным - сознанием, нравственным долгом, покаянием в грехах.

Нельзя отвергать религию: безбожие, неверие — величайшее — зло, но прав все тот-же кенигсбергский мудрец Кант, утверждавший, что церкви и догмы представляют ценность постольку, поскольку они содействуют моральному развитию людей, И религия исчезает, как только то или иное вероисповедание или обрядность захватывают первенство над моральным превосходством.

Истинная церковь, по Канту, — собрание людей, хотя бы разбросанных и раз'единенных, но приверженных общему моральному закону. «Христос, — говорит он, — приблизил царство Божие к земле; но он был непонят и среди нас, вместо царства Божия, образовалось царство священнослужителей. Символы веры и обрядность снова заменили добрую жизнь, и, вместо об'единения людей посредством религии, они раздроблены на тысячу сект; внушается различного рода «благочестивый вздор», как средство служения небесному царю, благодаря чему можно снискать его милости. Опять-же, чудесами не подтверждается религия, ибо мы никогда не можем полагаться на свидетельства свидетельствующих о них; и молитва бесполезна, если она возносится о предотвращении действия неизменных, природных законов».

По своему душевному складу Е. З. был философ - богоискатель. Он болезненно переносил выходки и выпады наших атеистов. А ему ведь приходилось работать в газете, созданной как раз безбожниками. Легко себе представить самочувствие религиозного человека, которого принуждают поносить, хотя бы устами других, то, чему он поклоняется.

Антирелигиозные статьи всегда коробили его, раздражали.

— Ну, зачем эти люди пишут вздор о предметах, которых они не разумеют, занимаются богоборчеством и богохульством, и не понимают того, что это — самооплевание, поругание своей собственной души, человеческого достоинства, образа и подобия Божия? Почему-же они все-таки это делают? Не иначе, как по своему недомыслию и невежеству, ибо еще древними греками сказано, что поверхностное знание философии приводит к атеизму; но погружение в глубины философии, обращает человеческий ум к религии, и что атеизм только на устах, но не в сердце человека.

Религиозность Е. З. была интенсивной, мистической. Его влекло ко всему загадочному, таинственному, скрытому от человеческого знания или понимания, которое невозможно или трудно об'яснить, разрешить или открыть; он верил в возможность общения с Богом путем экстазного созерцания. И с Сократом он мог сказать, что кажущееся непонятным не является еще поэтому нерезонным.

В чем-же состояло богоискательство Е.З.? Он, как и Л. Н. Толстой, видел проявление божественного начала в религиозно - философской мудрости всех веков и народов. Человечество стремится к познанию сверх-естественного, чего невозможно обнять и понять слабым человеческим разумом, что вне времени и пространства, что человек может чувствовать в самом себе и о чем мудрейшие из людей высказывали лишь догадки, предположения, намеки.

Платон мыслил Бога, как персонифицированный идеал нашей любви и надежды, а нашу душу уподоблял музыке лиры, которая умирает вместе с инструментом, придавшим ей форму. И несмотря на этот пессимизм философа, он все-таки соглашался с тем, что вера не причиняет нам вреда.

По представлению другого философа древности — Аристотеля, — Бог не творит, но движет мир; но он движет его не как

механическая сила, а как итог всех мировых действий. Бог движет мир подобно тому, как возлюбленный движет обожаемый предмет. Он—последнее слово природы, двигатель и цель ее, форма мира, принцип жизни, сумма существенных процессов и сил. Он—чистая энергия. Он не столько личность, сколько магнетическая сила.

Аристотелев Бог — ничего не творит; не имеет желаний, воли, цели; его активность столь чиста, что он никогда не действует.

Спиноза утверждает, что Бог—имманентен, не внешен, а причина всех вещей. Поэтому «все в Боге; все живет и движется в Боге».

Бог—не капризное существо, интересующееся частными делами своих почитателей, а неизменно поддерживаемый порядок вселенной.

«В самом деле, — говорит Спиноза,— наша индивидуальная отдельность до некоторой степени иллюзорна; мы—части великого потока закона и причины; части Бога; мы — исчезающие формы существа большего нас и бесконечного в то время, как мы преходящи».

Вы хотите знать — есть-ли Бог? Послушайте тогда, что говорит Фехнер:

«Мой дом построен кем-то, и вселенная тоже построена кем-то. Вселенная больше моего дома, и должен быть величественнее тот, кто построил ее. Мой организм движется благодаря влиянию моих чувств и воли; солнце, луна, море и ветер сильнее человека, движутся благодаря влиянию чьих-то более могущественных чувств и воли. Я живу теперь и изменяюсь изо дня в день. Я буду жить всегда и изменяться бесконечно»..

Древний, загадочный, мистический Восток — его мудрость, философия и религия — всегда интересовали и захватывали Е. З. Египтяне, индусы, китайцы, греки, евреи — одареннее, мудрее и интуитивнее европейцев, и у них надо учиться познанию божественного и уяснению смысла жизни. Разве не прекрасны размышления древнего китайского философа Лао-Цзы о Боге?

«Тао невозможно слышать. Если услышите, то это — не Тао. Его нельзя видеть. Видимый — не Тао. Он молчит. Говорящий — не Тао. Тот, кто придает форму форме — сам бесформен. Поэтому у Тао нет имени. Тао творит вещи такими, какими они есть, но сам он безвещен.

«Тао всегда бездействует и тем не менее совершает все». В представлениях о вселенной у китайцев есть много сходного с генезисом библейского сотворения мира.

«Из ничего образовалось Единство, Великая Монада. Образовалась двойственность Мужского и Женского Принципов в природе. Они подразделялись в Большее и Меньшее, и тогда из взаимодействия этих четырех элементов образовалось существо по имени Пан Ку. С его смертью начинается образование деталей творения. Его дыхание стало ветром; его голос — громом; его левый глаз —солнцем; его правый глаз — луной; от его крови образовались реки; от его волос пошли деревья и растения; его тело стало землей; его пот превратился в дождь, а из паразитов на его теле произошли люди».

У китайцев можно найти пессимистов нашего шопенгауэраровского толка и богоборцев типа Фридриха Ницше.

Величайший китайский мудрец Конфуций учил: «Человек не должен беспокоиться о том, что лежит за пределами его понимания; нет надобности поклоняться и молиться Богу. Будьте добрыми в жизни и ничего не требуйте. Тот, кто ведет добрую жизнь, не должен бояться ни Неба, ни людей, ни своей собственной совести. Счастье или несчастье сопутствует добрым или злым делам».

У другого китайского философа Вен можно уловить нотки спинозианства: «Возможно-ли, чтобы Бог считал добром то, что человеку кажется злом и наоборот? Может быть Бог не может определить характеристик того и другого, и предоставляет каждому следовать злым и добрым наклонностям? Если Он дает в обиду добрых людей, а злым позволяет наводить на них страх, то

не следует ли признать, что у Бога есть свои симпатии и антипатии? С древних времен и доныне периоды плохого управления всегда были продолжительнее хороших; и когда люди принципа состязались с неблагородными, победа обыкновенно оставалась за последними. Где, в таком случае, Божья любовь добра и ненависть ко злу?

В IV-ом веке до Р.Х. Янг Чу предвосхищает Шопенгауэра: Имеет-ли смысл жить? Положительного ответа дать нельзя, если принять во внимание, что жизнь человека протекает в состоянии безразличия в период малолетства и глубокой старости, во сне, во многие часы днем, не считая времени, проведенного в болезнях, печали и озлоблении. И может быть из ста прожитых лет найдется десяток лет счастливой жизни. Смерть ожидает нас всех одинаково — умрем-ли мы в десятилетнем возрасте или в столетнем. И как только человек сгнил в земле, то не имеет никакого значения — был ли он велик подобно Яу и Шуну, или это была тварь подобно тиранам Киэ и Шоу син. Поэтому разум подсказывает нам, что мы должны пользоваться жизнью пока живы. После смерти — ничто. Слава—ничто. Ни прославление великих людей прошлого, ни награды им не нужны —они не узнают об этом. Слава для них все равно что кусок дерева или жменя песку.

В философии Мо Ти, современника Янг Чу, наоборот, звучат нотки христианской любви. «Вся эта борьба, — учит он, — происходит от недостатка взаимной любви. Если-бы только одна добродетель стала все общей: любящие друг друга князья не воевали-бы между собой; главы семейств не покушались-бы на узурпацию; прекратились бы грабежи; правители и министры стали бы милостивыми и лояльными; отцы и дети — добрыми и почтительными; братья—дружелюбными и легко примиримыми. Люди вообще — любящими друг друга; сильный не обижал-бы слабого; многие не грабили бы немногих; богатые не оскорбляли бы бедняков; благородные не были-бы заносчивы в отношении неблагородных, и обманщики оставили-бы в покое простодушных».

Менсиус, родившийся в 372 г. до Р.Х., как и французский Жан Руссо, был преисполнен некоторой доли скептицизма в отношении учености, культуры. Руссо, на пример, считал мыслящего человека «развращенным животным». Образование не делает человека добрым, а только лучше подготовленным к совершению дурных дел.

И китайский Руссо того мнения, что лучше было-бы вовсе не иметь книг, чем верить всему написанному в них. Человеку нет надобности и он не должен воевать. Он должен быть добродетелен, ибо у такого человека нет врагов. Таким должен быть правитель. Полководцев, хвастающихся своими военными способностями, Менсиус считает величайшими преступниками. И все войны, описанные в Чу'ун—тсуи, были несправедливыми.

И еще немного из китайской философии:

— Империя — божественный дар и не может быть управляема. Тот, кто управляет — губит. Тот, кто удерживает силой,— теряет.

— Тот, кто доволен, имеет достаточно.

— За обиду платите добром.

— Ничего не делайте и все будет сделано.

— Я не делаю ничего и мой народ стал добрым по своему собственному желанию.

— Слабый преодолеет сильного, мягкий— жестокого. Мягчайшие вещи в мире преодолеют твердейшие. Бестелесное проникает в беспористое, и поэтому я знаю преимущества Безактивности.

Надо несколько остановиться на индусской философии, которой Е. З. увлекался и ставил выше китайского скепсиса.

Веданта говорит, что сепаратизм, разделение между человеком и человеком, между мужчиной и женщиной, человеком и ребенком, нации от нации, земли от луны, луны от солнца, — эта раздельность атомов — действительная причина всех несчастий, и Веданта говорит, что этот сепаратизм не существует, нереален, поверхностен, ибо «в сердце вещей» все еще сохраняется единство.

Если вы заглянете в сущность вещей, то найдете это единство между человеком и человеком, женщиной и детьми, расами,

аристократами и плебеями, богатыми и бедняками, богами и людьми: все — Одно и животные тоже, если заглянете довольно глубоко и тот, кто сделал это, — свободен от заблуждения.

Свами говорит: «Когда человек увидит себя, как Одно с безграничным Существом Вселенной; когда всякое разделение исчезает; когда все мужчины, все женщины, все ангелы, все боги, все животные, все растения, вся Вселенная расплавится в этом единстве, тогда всякий страх исчезнет. Кого бояться? Могу-ли я повредить себе? Могу-ли я убить себя? Могу-ли я причинить себе боль? Боитесь-ли вы себя? Тогда исчезнет всякая печаль. Что причинит мне печаль? Я—Единое Существо Вселенной. Тогда исчезнет всякая ревность. К кому ревновать? К самому себе? Тогда исчезнут все плохие чувства. К кому стану питать я злобу? К самому себе? Ибо в мире нет иного, кроме меня... Уничтожьте эту дифференциацию, уничтожьте суеверие в существование многих.

«Тот, кто в этом мире многообразия видит это Одно, кто в этой безжизненной массе видит это Одно Живое Существо; кто в этом призрачном мире уловит Реальность, — тому принадлежит вечный мир и никому иному».

Бергсонианцы и американские прагматисты, в том числе и самый выдающийся из них Вильям Джеймс, яростно спорят против крайних проявлений этой философии идеалистического монизма, единства материального и духовного мира.

«Моя собственная персона, — вопрошает Бергсон, — в данный момент едина или множественна? Если я провозглашу ее единой, то внутренние голоса поднимутся и запротестуют — все эти сенсации, чувства, идеи, составляющие мою индивидуальность.

...«Я—единство во множестве и многообразность в единстве... Соприкосновение с материей определяет эту диссоциацию. Материя разделяет фактически то, что множественно в потенции. И в этом смысле индивидуализация отчасти работа материи и отчасти результат собственного влечения самой жизни»...

И действительно существующее, по Джеймсу, не вещи уже созданные, а создаваемые.

Американский прагматизм, по Е. З. торгашеская философия, вульгаризация и упрощение подлинной, идеалистической философии. Разглагольствования, например, Шайллера о правде вызывают только улыбку. Его «правда» — текуча, неустойчива, преходяща, ошибочна и т. д. Если все это так и никакой правды нет, то незачем прагматистам утруждать себя и заниматься ее исканиями. Получается только суета.

Философские рассуждения приводили Е. З. к одному неизбежному выводу — без религии, без веры в Бога и в бессмертие души жизнь человека бессмыслена. На одном политическом принципе нельзя создать никакого идеального общественного порядка. На протяжении всей истории человечества религия служила опорой всех систем государственного управления. Упадок религиозного сознания подтачивал нравственные устои общества, приводил к одичанию, деморализации и гибели целых государств и народов.

(Окончание следует).

М. Рубежанин.

"JESUS VERSUS HITLER"

Некоторое время тому назад, известный в Нью Иорке лектор профессор Вайс прочел доклад на эту тему. В виду важности этого, столь своевременного в истории времени доклада и искренности самого докладчика, не следует обойти молчанием это оригинальное явление.

В своем вступлении лектор признал, что почти недопустимо взять под одним заглавием имена таких разнообразных и несравнимых друг с другом индивидов, как Христос и Гитлер.

Какие огромные противоположности представляют собою эти личности. Христос — воплощение высшей правды, вечный символ абсолютного добра, любви, мира и справедливости—жил и творил две тысячи лет до нас. Гитлер — позорное знамя реакции и жестокости, коварства и лжи, современный политический злодей и подстрекатель войны—продукт цивилизации двадцатого века. Но доклад все же касался роли этих людей в истории времен, а потому и оказалось уместным соединение этих имен. Вот о чем говорил в своем докладе проф. Вайс: В своей книге «Моя борьба» Гитлер повествует, между прочим, о том, что арийская раса, к которой принадлежат немцы, суть самая чистая и отважная раса в мире, а немецкий народ совершеннее всех остальных арийских народов.

Однако, судя по делам его представителей, нынешних законных правителей Германии, составляющих ядро арийцев, то раса далеко непримерная, партия же властвующая и руководящая всей страной — не более чем разбойничья шайка на большой дороге.

Очистить эту удивительную злополучную расу от всякой примеси чего либо интернационального, от инородцев, — заветная мечта фюрера, этого выдающегося современного сверх-злодея, государственника.

Нацистская партия, во главе с фюрером, закабаливши честный и прямой, индустриальный трудолюбивый и культурный немецкий народ, давший миру таких истинно великих людей, как Гете, Вагнер, Моцарт, Шиллер и им подобных, задалась целью опозорить и истребить еврейское беззащитное население в Германии в 500 тысяч душ.

Оказывается, что сам фюрер, хотя и ариец, также инородец, и более чужд германскому народу, чем многие рожденные в Германии евреи и люди других национальностей; сам он —австриец, а потому не является по существу сыном Германии. Навязавшись Германии, он бросил свою родину — Австрию и использовав несчастия и страдания немецкого народа, да при соучастии свирепой реакции со времени войны и разгрома Германии, очутился у власти. Зломогущественный властелин этот, искалеченный душой, он ищет крови, пыток и страданий других. Легко, конечно, преодолеть слабого и беззащитного. Вот, он, человеконенавистник, избрал еврейское население, как безотечественный народ, да другие меньшинства. Такого рода крайнее преступление, как распятие беспомощного не новое измышление государственного порядка. Эту государственную преступность знает история с колыбели человечества, со времени первых дикарей-властелинов. И никакое тираническое, никакое бесправное и безнравственное правительство в истории человечества ничего еще не выиграло от таких методов управления. Известно, что нечто подобное происходило и в царской России и в старой Испании и в других, в свое время отсталых странах. И что же? Все эти правители - полудикари,, маньяки-чистильщики рас, заблудшие фанатики, явившиеся, чтобы проливать кровь человеческую, в свое время исчезли — позорно, со всеми своими кровавыми идеями. Народы ими угнетенные здравствуют и поныне, и будут существовать, а их убеждения — процветать в среде цивилизованных народностей вовеки.

Такие же нарушители прав на жизнь

и законов человеческих, как фюрер и итальянский дуче и им подобные, случайно появившиеся, заранее осуждены самой историей. И действительно: судя по историческим данным, такие выскочки и злотворящие гении редко когда выживали век свой. А потому их дни заранее сочтены. Вся партия этой правительственной шайки современной Германии, этих государственных преступников, называющих себя социалистами, из узких эгоистических целей под маской национализма, занялась бесчеловечными делами. Для очищения расы, возрождения Германии, они занялись угнетением, порабощением, истязанием своих подданных. Что-то невообразимое в отношениях людей творится в фашистских странах. И кровью обагрены руки их правителей.

Но всем этим национал-фашистским правительствам, их лидерам придется дать ответ за все свои злодеяния перед своими же народами, да перед всем родом человеческим. Недостаточно также того, что иные великие демократические страны не намерены вмешиваться во внутренние дела других государств, меньшинства которых неимоверно страдают, многие из них погибают. А ведь все они братья народов, населяющих все другие, так называемые демократические государства.

Иногда, в таких случаях, в особенности, вмешательство становится крайне необходимым, а нейтралитет — преступным. Ведь эти же страны Германия и Италия, возглавляемые реакционными правителями, диктаторами - агрессорами, сами вмешиваются без спроса во внутренние дела Испании; да вопреки всяким существующим правам и законам международным, покоряют целые страны, порабощают целые народности. Однако никакое из этих агрессивных государств не потерпит хотя бы и справедливого протеста со стороны какой нибудь заступнической страны за участь людей, страдающих под их жестоким гнетом.

Вот тут-то и сказывается все еще преобладающее в мире значение грубой силы. Дело в том, что Германия, как указывает ее случайный вожак в своей книге «Моя борьба», должна стать первой и главной державой в Европе. Поэтому решено сначала покорить, и если возможно без войны, только грозя ею, забрать побольше земель, принадлежащих более слабым соседним государствам. Так поступила Германия Гитлера на Рейне, с Австрией, с Чехословакией. А затем, будучи уже лучше подготовленной, большими армиями двинуться дальше, чтобы подчинить себе большую часть Европы.

Но дело осуществления владычества над Европой, очень большое и рискованное начинание, в особенности, если принять во внимание возрастающее могущество России. Вот здесь-то несомненно и придется потерпеть фюреру полный и окончательный разгром. И кончится тем, что история повторится еще один лишний раз. Так-то правящая в данное время Германией нацистская партия, закрепощающая дух народа, этим только оскорбляет истинную германскую нацию, как и истинную идею социализма.

Желая стать повелителем Европы, или вообще великим завоевателем и в реальности готовясь к этому шагу, фюрер и другие современные агрессоры - завоеватели, человеконенавистники, угнетатели, беззаконные государственные убийцы, для отвода глаз, для предотвращения внутренних восстаний, занимаются подстрекательством меньшинств. Пользуясь такой непристойной и постыдной мерой заговаривания и одурачивания своего народа, они ведут к пропасти, к войне, которая в конечном счете решит и их судьбу. Ибо, в конце концов, даже победившему государству нет выгоды от войны. Но кроме экономических выгод, которых ищут все агрессоры в своих завоеваниях, значительная цель их успехов зиждется и основана на личных выгодах. Сделаться великим двигателем истории любой ценой, приобрести сомнительную недостойную славу —дело государственных палачей подобных фюреру, дуче и им равных выродков. Эти личности стремятся повернуть колесо истории на многие века назад

— к варварству. Иные из них потомственные христиане. Но даже великие идеи Христа не служат им преградой в их стремлениях к уничтожения всякой добродетели и справедливости.

Профессор Вайс, будучи сам еврейского происхождения, напомнил аудитории о личности и идеях Христа. В своем чистосердечном и правдивом толковании он как бы воплотил Спасителя. Он искренно и с глубокой радостью провозгласил себя настоящим христианином, носящим в сердце своем вечный образ великого учителя, великого Печальника нашего. Он, между прочим, не обошел молчанием частые выходки приверженцев фашизма священника Коглина. Как то этот лжехристианин, особенным выпадом против еврейства, оповестил мир о том, что Христос был обвинен евреями в измене своей религии, а потому, по их вине осужден. Однако, известно фактически, что Христос родился от еврейской матери и всю свою жизнь оставался таковым. Он прослыл глубоко религиозным человеком — с непоколебимой верой в лучшее будущее всего человечества. Распространяя свободную религию — великую идею любви, добродетели, Он этим стремился исключить и уничтожить всякую ложь, ненависть, коварство и насилие из всех деяний человеческих. Он никогда от еврейства не уходил, ибо не мог отказаться от этой колыбели христианства. Христос не уничтожал, но дополнял современные ему понятия о религии, как о высоком смысле жизни. И все апостолы его были евреи. Один из них, Иуда предал Его и наложил на себя руки. Наконец судили Христа римляне. Они видели в нем врага имущих и властных, противника порабощения и всякой эксплоатации, и осудили Его на казнь. Но даже на кресте своем великий мученик за дело человеческое, за любовь и добродетель, простил всех. Он же заповедал роду человеческому прощать грехи, в особенности тем, кто готов раскаяться. Ибо всякий может, при желании своем, исправиться и стать достойным и полезным человеком. И сравнивая современных диктаторов, грозящих миру разрушением с фарисеями и насильниками времен Христа, можно сказать, что некоторые из них, зовущие себя христианами, несомненно явились бы распинателями великого основателя христианства.

Так проникновенно говорил христианин в душе о величайшем человеколюбце Христе и о маленьком кровожадном фюрере.

Б. Гершенфельд.

Нью Иорк.

4 ГОДА ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛА "МЭН" ("ЧЕЛОВЕК")

Президент Рузвельт часто выступает в защиту свободы печати. 25-го марта 1928 года он заявил, что со времени 1789 года Соед. Штаты служат убежищем для политических беженцев со всего света и, что и в будущем он намерен оставить эту страну пристанью для политических отщепенцев.

Перед лицом такой похвальной позиции мы выставляем дело журнала «Мэн», подвергающегося преследованиям уже 4 года и 19-тилетнего преследования редактора этого журнала, Маркуса Грахама и тем бросаем дерзкий вызов откровенности президента Рузвельта, как защитника свободы слова и печати.

Чтобы никто не подумал, что преследования «Мэн» и его редактора являются исключением, данные Департамента Труда за последние 6 лет указывают на неослабные преследования рабочих, бастующих за улучшение условий труда и идеалистов, выражающих свои идеи относительно новых социальных порядков вместо старых существующих.

Аттаки, которые должен был перенести журнал «Мэн» за 6 лет своего существования, образуют собою особую главу в борьбе за свободу. Тот факт, что анархический орган и его редактор прежде всех других были выбраны мишенью в стране со 130, 000.000 людей, управляемой самозваным «либеральным» правительством »Нью Дил»,

вскрывает нам нечто, что должно вызвать самую глубокую тревогу в сердце каждого почитателя свободы.

«Мэн» появляется в свет.

В январе 1933 года ежемесячник в 8 страниц малого формата вышел в свет в Сан-Франциско, Калиф. В заголовке его стояло простое, но многозначащее название — «Мэн» (журнал анархистических идеалов и движения). В нем не было никаких платных об'явлений; не было указано также и цен на подписку. В первом номере говорилось:

«Появляясь в свет впервые, «Мэн» не предлагает программ, платформ или же паллитивов по какому либо социальному вопросу. «Мэн» имеет и будет иметь идеи для изложения перед теми, кто готов посмотреть в лицо правде и действовать по своему усмотрению. Если журнал и преследует какие либо цели,—так это—укрепление веры у человека в самом себе, в своем собственной мощи добиться освобождения от всех форм рабства, окружающих его теперь... Всякая социальная проблема будет обсуждаться свободно без каких либо компромиссов, приводящих к беде многие идеалы и идеалистов. Подписка на «Мэн» для всех читателей и библиотек безплатна. «Мэн» намерен существовать на то, что читатели найдут заслуженным дать журналу. Выход журнала в свет будет зависеть от добровольной поддержки читателей.

«Мэн» должен заинтересовать читателей в мере необходимой для его печатания. Если же этого ему не удастся, это будет значить, что журнал не заслужил себе права на существование.

Как строго «Мэн» придерживался принципов, изложенных в этом анонсе, можно понять из неослабных преследований журнала властями. При выполнении своей моральной цели «Мэн» доказал, что даже в стране насквозь пропитанной торгашеством, каковой являются Соединенные Штаты, истинно идеалистическое издательство может существовать и без установленной подписной платы.

Сам дух свободы, которым наполнен каждый номер «Мэн», вызывает ненависть у «слуг народа», являющихся в действительности угнетателями и правителями — у чиновников правительства Соед. Штатов.

Правительство приступает к аттаке на «Мэн».

Аттака правительства против «Мэн» и его читателей в различных частях страны началась в апреле 1934 года, когда посреди ночи на 11-ое апреля иммиграционные власти ворвались в частные квартиры Винсенто Ферреро и Доминико Саллито. Оба они были арестованы, а дома обысканы без разрешения на это. Оба заключенные владели небольшим рестораном в доме, 1000 Джефферсон стрит, Окланд, Кал. Часть помещения ими была сдана в аренду универсальному магазину Унтюрю и Сван, Какус Дистрибютинг Ко. и редактору «Мэн». И Ферреро и Саллито были обвинены в том, что они являются «анархистами - иностранцами», так как единственное их преступление состоит в том, что они сдали в аренду конторское помещение для «Мэн». Один из иммиграционных чиновников, участвовавший в аресте играл одновременно роль и обвинителя и судьи. Разбирательство велось при закрытых дверях. Было решено выдать арестованных фашистской Италии, где им грозила бы смерть. По счастью протесты по всей стране со стороны поборников свободы заставили властей отказаться совсем от депортации Саллито и приостановить депортацию Ферреро.

Вслед за арестом Ферреро и Саллито власти произвели налет на контору редактора «Мэн». Полицейскими была разбита машина-мимеограф, принадлежащая журналу. Была вскрыта даже коробка рисовальных карандашей, присланная по почте. Во время обоих набегов редактор журнала даже и не присутствовал.

Правительство пользуется методами вымогателей.

На той же неделе в апреле 1934 года агенты Департамента Труда посетили читателей в различных частях страны и в некоторых случаях официально приказали явиться в Иммиграционные конторы. Каж-

дого читателя допрашивали часами, в каких отношениях он состоит с журналом «Мэн», или с его редактором. Большинству допрошенных был показан портрет редактора. Каждому пригрозили депортацией и всем дан настоятельный совет воздержаться от чтения журнала, или подписки на него. (Только в целях ограждения наших читателей - иностранцев, имеющих, согласно иммиграционным законам, «легальное» право подписываться на анархическое издание, «Мэн» был вынужден отказаться от бесплатной подписки и установить цены на нее).

В городе Сан Франциско агенты иммиграционных властей посетили Рабочий Колледж с целью получения сведений относительно арендаторов помещения под диспут, устроенный 25-го марта 1934 года по вопросу: Был ли Маринус Ван дер Луббэ, 24 лет, датский коммунист, принявший на себя целиком вину за поджог здания рейхстага и поплатившийся за это жизнью,—агентом нави, или же революционером? Причина особого интереса властей к этому дебату та, что в нем принял участие и Маркус Грахам; как редактор «Мэн» он отстаивал Ван дер Луббэ как революционера.

Гильд Джака Лондона в Сан Франциско — драматическая организация свободно устраивающая спектакли для рабочих организаций, тоже была посещена. Причина: она несколько раз ставила спектакли в пользу «Мэн», а сам редактор, Маркус Грахам, прочел лекцию из серии предлагаемых этой организацией каждую пятницу. Когда главная контора Союза Американских Граждане. Свобод выразила протест Департаменту Труда против такой скрытой кампании запугиваний журнала «Мэн» и его редактора, покойный комиссар Соед. Штатов, полк. Мэккормик, отделался неведением относительно того, кто дал распоряжение вести подобную кампанию преследований и обещал положить ей конец. Комиссар не дал никаких об'яснений относительно того, что ему удалось выяснить и короткое время казалось, что преследования как будто прекратились. Но этого не случилось.

Арест Маркуса Грахама направлен к уничтожению «Мэн».

Арест редактора 6-го октября 1937 года послужил началом новой кампании преследований «Мэн» и еще более открытой. Преследуемая цель не могла быть дольше скрыта; цель была — задавить журнал. Главная причина, указанная в распоряжении о депортации, возобновленном после 19 лет в отношении Грахама, была следующая: иностранец теперь и втечение значительного периода в прошлом, является редактором журнала «Мэн», издаваемом в Сан Франциско; таковой журнал издается как ежемесячник анархистического идеала и движения». Копии журнала хранятся в главной конторе в бумагах по этому делу».

Испытания Маркуса Грахама за последние 19 лет имеют только одну параллель и то только в романах—Жин Валжин в бессмертном творении Гюго «Ле Мизерабль». И все же есть резкая разница между характерами Жина Валжина и Маркуса Грахама. Жин Валжина преследовали блюстители законности. Он однажды совершил то, что общество называет преступлением. Маркус Грахам никогда не был уличен ни в каком преступлении, за исключением только того, что он имеет свое собственное мнение и он достаточно смел, чтобы выражать свои идеи устно и в печати.

Вина журнала «Мэн».

Просмотр данных допроса В. Ферраро и А. Саллито (печатные показания по делу Феррера занимают 147 страниц) вскрывает, что большая часть места уделяется выдержкам из статей появившихся в журнале «Мэн». «Так как мы утверждаем, что ничто из напечатанного на страницах журнала не носило криминального характера, будет крайне интересно, мы полагаем, привести целиком те выдержки из журнала, которые власти считают криминальными, хотя сами же чиновники и не имели никогда достаточно мужества и смелости открыто в суде возбудить криминальное дело против

самого редактора журнала и его сотрудников. Мы ниже приводим выдержки, которыми пользовались в деле и против Ферреро и против Саллито:

— Правительства могут существовать только до тех пор, пока подчиняются массы и платят дань им в форме налогов. Богатым позволено создавать всякого рода аферы: обманывать и грабить, лгать и заниматься стяжательством, забирать богатства, добытые в поте лица, тружеников на фабриках, в шахтах и на земле, как от мертвых и раненых на войне. Для обобранных и обманутых масс даже незаконно пользоваться продуктами, которые они произвели с помощью природы!.. Обманутые и эксплоатируемые могут положить конец своим лишениям только тогда, когда они начнут понимать, что никакая другая сила, кроме их самих, не может этого сделать на земле. Чтобы добиться этого, государство должно умереть. Оно умрет в тот самый момент, когда массы перестанут повиноваться законам и сносить налоговое бремя. (Из передовицы. Июль, 1933).

— Анархисты стремятся уничтожить государство, как учреждение враждебное по своей природе всякой свободе и подменить его системой, в которой все будут иметь равные шансы от рождения и до смерти, где не будет классов, пользующихся большими привилегиями, чем другие, где каждый будет свободен сотрудничать в любом деле, для которого наиболее пригоден на пользу общества и для себя лично. Итак, взаимная, добровольная помощь становится оградителем свободы и справедливости. (Из статьи Максимилиана Олэй, июль, 1933).

— Методы народа будут гораздо больше соответствовать науке, чем методы экономистов, которые проводят так много граней между средствами производства и средствами потребления. Народ понимает, что это то и есть точка, где должна начаться революция; народ положит начало единственной экономической науке, достойной названия — науке, которая может быть названа: Исследование Нужд Человечества и Экономических Средств Для Их Удовлетворения. (Из статьи П. Кропоткина, февраль 1934).

Убийство — пугало всех хулителей анархических идей и движения, не было упущено из вида ревнивыми правительственными агентами. Это видно из приводимой в деле выдержки (стр. 72):

Следующее процитировано из статьи: «Рузвельт — символ безстыдной неправоты; Гизеппе, неукротимый иделист». Вся статья восхваляет Зангару за «убийство тирана»; так в части статьи пишется:

«От гетто или «пушкарт» приходит простонародец — поборник человечества, и его убийство тирана драматизирует вековую борьбу». Ни один интеллигентный человек не может ни подметить резкой разницы между впечатлением, которое хотят создать правительственные извратители истины и цитатой в 23 слова. Ложь первая: статья озаглавлена «Гизеппе Зангара», а не так, как они хотят намекнуть. Ложь вторая: Гарольд Прис, автор этой статьи («Мэн», 1934) не восхваляя Зангару «за убийство тирана», а написал литературный этюд, об'ясняя подоплеку такого акта, какой был совершен Зангарой: теперешнее несправедливое общество.

Кратко говоря, вот те «криминальные» мысли, которые послужили основанием для попытки депортировать Ферреро и Саллито, для попытки запугать читателей «Мэн», для вторичного возбуждения дела о депортации Маркуса Грахама под предлогом заведомо потерявшего силу 19-ти летнего распоряжения о депортации и для главной цели правительства — уничтожения журнала «Мэн».

(Продолжение следует).

В ФОНД БАКУНИНСКОГО НОМЕРА

Виндзор:

Собрано по подписному листу товарищем С. Саком: С. Сак—2.00, К. Левчак—1.00, К. Талант — 1.00, А. Конасевич — 1.00, О. Дашевич — 1.00, И. Манцевич—0.50, А. Камеаур — 0.50, А. Соловей 0.25, М. Пискун — 0.25, И. Лашковский—0.25, С. Мазур — 0.25, Л. Павлеуко 0.25, К. Крачун — 0.10. ВСЕГО $8.35.

КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

В нашем движении в Америке разгорелась междоусобица между двумя федерациями — «Пробуждение» и «Дело Труда». Эта вражда не прекращается полтора десятка лет и все более усиливается.

Никто из зачинщиков не желает прекращать ее. Драка, повидимому, очень им нравится. Когда лебедевцы захватили газету «Рассвет», то делотрудовцы радовались этому и помещали в лебедевском «Р.» хвалебные гимны захватчикам.

Когда «Р.» контролировался культурно-просветительными организациями, то делотрудоцы бойкотировали его. Когда-же в нем воцарился перелетный лебедь, то некоторые из делотрудовцев помогали этому пройдохе обливать прогрессивные организации грязью. А. Г. Максимов все это исподтишка одобрял, хотя сам открыто не выступал в защиту бородатого господина министра.

Усилиями пробужденцев и прогрессистов была ликвидирована лебедевская авантюра. Борода, использовавший газету в целях наживы (он получал деньги из нескольких мест за свою пропаганду) вылетел из газеты, содрав с нее 500 долларов, которые он дал на покрытие причиненного его писаниями дефицита, и обосновался в «Н. Р. С.», где он пользует эту газету для своей прежней пропаганды, щедро оплачиваемой все из тех же подозрительных источников.

Помогая Лебедеву и поощряя лебедевские авантюры, делотрудовцы показали, что у них нет склонности к защите интересов трудовой колонии и что они готовы поддержать авантюриста, как в свое время поддерживали г. Аршинова, разлагавшего анархическое движение под предлогом его «развития и оживления».

Делотрудовцы злорадствовали и потирали руки от удовольствия, когда Лебедев обливал помоями непокорных ему пробужденцев. Главари «чистого анархизма» снисходят к трудящимся только тогда, когда им нужны на что-либо деньги.

Я распространяю оба журнала «П.» и «ДТ.» с 1931 года и содействую, насколько могу, их изданию. Не могу только взять одного в толк — почему это делотрудовцы и пробужденцы выносят друг другу смертные приговоры.

Приближается празднование 125-летия М. Бакунина. Максимов написал о нем книгу на английском языке и издать, конечно, ее сможет только при помощи нас, рабочих. Не все из нас, рядовых, знают об этом важном деле, ибо посвящен в него Бакунинский комитет в Чикаго (вернее Максимов). Пробужденцев об этом не оповестили. К участию в этом деле не пригласили старейшего из анархистов М. Неттлау. Книга уже готова к печатанию, а об ее содержании в печати не появилось никаких сведений.

От нас, рядовых, требуют только денег, а знать нам наперед о содержании книги ничего не полагается. А ведь у нас есть два журнала и к нашим услугам даже ежедневная печать. Если книга хорошая, то не мешало-бы издать ее и на русском языке. Многое можно сделать при условии прекращения вражды и об'единении наших сил в одну братскую семью, а дрязги и сведение личных счетов в сторону.

Максимов уж очень боится общения с «грешниками-пробужденцами» и очевидно метит прямо в рай в индивидуальном порядке. Для полной святости ему остается только поисповедываться в церкви и приобщиться св. тайн.

Максимов очевидно хочет разыгрывать роль попа Достоевского, который, выставляя себя праведником, так надоел грешникам своими запугиваниями, что они поступили с ним совсем неделикатно.

С. С.

Виндзор, Канада.

КНИГИ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Макс Неттлау — «Жизнь и деятельность М. А. Бакунина». ЦЕНА 25 сен.

М. А. Бакунин: «Государственность и Анархия., «Кнуто — Германская Империя», «Федерализм, Социализм и Антитеологизм», «Политика Интернационала», эти пять книг продаем за 2 дол. 50 центов.

М. Бакунин: «Избранные Сочинения», с биографическим очерком В. Черкезова— 50 центов.

Предстоящий Юбилей Международного Кооперативного Общества

В текущем 1939-ом году осенью исполнится 20 лет со времени основания в Детройте рабочими Международного Кооперативного Общества, которое избрало комиссию по подготовке юбилейного торжества.

В 1925 году этим Обществом был построен дом (9219 Россел улица), который является центром русской прогрессивной детройтской колонии. Дом двух-этажный: внизу чистый, уютный и светлый кооперативный ресторан, а наверху—зала на 200 человек и небольшая сцена, где часто устраиваются вечера, а также лекции. Во дворе — особняк, в котором помещается библиотека Профсоюза, 72-го Отдела РООВА и Кооперативного Общесттва (самая лучшая русская библиотека в Детройте), редакция журнала «Пробуждение» (вот уже 12 лет), а также книжный склад. Имеется удобная комната для организационных собраний.

В Кооперативном Обществе числится свыше 90 членов; фактически же вся работа (культурно - просветительная, ресторан) проводится активом в 25 человек, регулярно посещающим собрания. Благодаря их преданности сумели выплатить дом на Россел и купить второй дом за 20,000 дол. на 6671 Мичиган улице (здесь тоже первоклассный кооперативный ресторан). Кроме того, Кооперативное Общество по возможности, поддерживает культурно-просветительные начинания: материально помогало «Американским Известиям» (ньюиоркским), «Рассвету», «Пробуждению», «Волне», политическим заключенным в России. Когда Перцов, а потом Лебедев захватили организационную газету «Рассвет» и организация приступили к изданию еженедельной газеты «Американские Известия» для борьбы с захватчиками, Общество отпустило безплатно помещение для редакции, а также поддерживало газету материально.

В Россельском доме помещаются: Профсоюз, 72 Отдел РООВА, Русский Балалаечный Оркестр под управлением Михаила Кузьмича, Детский Балалаечный Оркестр под управлением Федора Сенькевича. Все эти организации ведут культурно - просветительную работу путем устройства хороших вечеров, докладов и лекций. Кооперативное Общество бесплатно приютило все перечисленные организации в своем помещении и содействует их росту и работе.

Так как журнал «Пробуждение» идет во все исторические архивы, библиотеки и вообще в различные страны, то Россел ул. известна во всем мире, как центр распространения идеала справедливости и свободы для всего человечества.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Узнав, что Вы возобновили издание журнала «Пробуждение», и сознавая, что такой анархический журнал нам необходим, как вода и воздух, более того, зная, что жур. издается с дефицитом, а поэтому высылаю вам на поддержку его сто (100) долларов.

С товарищеским приветом,

А ГОРДЕЮК.

Нью-Кестл, Па.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: От имени Федерации журнала «Пробуждение» приносим глубокую благодарность товарищу А. Гордеюку за его дружескую помощь.

Мы верим, что и другие товарищи последуют примеру нашего доброго товарища А. Гордеюка и пришлют свою лепту на издание журнала «Пробуждение» — кто сколько может.